

ВИКТОРИЯ

ПЛАТОВА

После
ЛЮБВИ

Завораживающие детективы Виктории Платовой

Виктория Платова

После любви

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

После любви / В. Е. Платова — «Эксмо»,
2019 — (Завораживающие детективы Виктории Платовой)

Саша Вяземская уже три года живет в Эс-Суэйре, маленьком городишке на атлантическом побережье Марокко. Наверное, она счастлива, потому что прежняя любовь давно умерла, раны на душе зажили, а новая любовь еще не пришла. И ничего особенного в ее жизни не происходит, пока вдруг в городок не приезжает сам Алекс Гринблат, знаменитый галерист, поджарый, загорелый, с чертовски красивыми глазами. Саше очень хочется влюбиться, несмотря на то что старый рыбак советует ей держаться от Алекса подальше.

И вот уже назначено свидание с красавцем, как все вдруг понеслось в тартарары. Свидание сорвалось, а Сашу обвинили в убийстве малознакомого юноши...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платова В. Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Эс-Суэйра	6
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Виктория Платова

После любви

Все события, описанные в романе, вымышлены, сходство с реальными людьми случайно, но это не означает, что подобного не могло произойти и не происходит в действительности.

Эс-Суэйра

* * *

... Смысла в этом не больше, чем в футболках с надписью «Рональдо» и «Рональдиньо». По полтора доллара за штуку.

Надев такую футболку, ты наверняка не станешь Рональдо. И уж тем более не станешь Рональдиньо, но футболки все надеваются и надеваются. Десятки Рональдо и десятки Рональдиньо мелькают у меня перед глазами каждую ночь.

Десятки Рональдо и Рональдиньо играют в футбол. На пляже, освещенном прожекторами. Это – не пляжный футбол, как можно было бы предположить. В самом термине «пляжный футбол» есть нечто оскорбительное. Нечто расслабленное, женственное, с таким футболом состояния не наживешь. Чистая любительщина, кружок художественной самодеятельности, да и только. Хотя Доминик утверждает, что пляжный футбол вроде бы внесли в список олимпийских видов спорта.

На мое отношение к пляжному футболу это никак не повлияло.

А десятки Рональдо и Рональдиньо все играют в футбол. Играют и играют. Каждую ночь. На пляже, освещенном прожекторами. Их футбол жесток, как жестока любая несбыточная мечта. Никому из надевших полуторадолларовую футболку не стать Рональдо. И тем более – Рональдиньо. Никому из них не вырваться из этого маленького городишки с большими волнами.

Но и остальной мир не лучше.

Они не знают об этом. И никогда не узнают. Они не знают. Я – знаю.

Этот маленький городишко и есть лучшее место на земле.

Хотя Доминик утверждает, что атлантическое побережье Португалии намного комфортнее атлантического побережья Марокко. Вроде бы.

На мое отношение ко всему остальному миру это никак не повлияло.

Днем футболистов сменяют серферы.

Их десятки, но ни Рональдо, ни Рональдиньо среди них нет. Среди них нет ни Шумахера, ни Майкла Джордана – ни одного имени, ни одного бренда, чей чих стоит миллионы, а заноза в пальце – десятки миллионов. Но ведь и серфинг не так популярен, как футбол, баскетбол или Формула-1.

Бросовое занятие, так утверждает Доминик.

Мнение Доминика – последнее, идущее в списке за мнением тушканчика и мускусной крысы, кто будет прислушиваться к мнению Доминика? К тому же Доминик боится воды.

Он боится исламских фундаменталистов, русской мафии, глобального потепления, поломок кондиционера, приливов, отливов, электромагнитных излучений от мобильных и микроволновок; он боится застрять в лифте, стать жертвой карманника; даже в такси Доминик не садится, опасаясь, что у него откажут тормоза.

По Эс-Суэйре, маленькому городишке с большими волнами, Доминик передвигается пешком. Я нежно люблю Доминика.

Я нежно люблю отель Доминика.

Не потому, что он называется «*Sous Le Ciel de Paris*» (я никогда не была в Париже), – потому, что другого дома у меня нет.

Вот уже три года я живу в отеле Доминика, я такая же его достопримечательность, как и доски для серфинга, которые Доминик расписывает вручную. С той лишь разницей, что (в отличие от досок для серфинга) я не сдаюсь в прокат.

Сдаться в прокат – этого бы мне хотелось больше всего. Сдаться.

Отправиться на ужин с кем-нибудь из серферов. Несерьезных мужиков с серьезными намерениями. Смотреть на их жесткие пальцы, жесткие волосы, жесткие солнечные морщины – смотреть и улыбаться. Их шуткам, вырезанным из жести, их комплиментам, зыбким и двусмысленным, как песок: на таком песке в футбол не поиграешь.

Но ужинаю я, как правило, с Домиником.

На террасе второго этажа, отсюда хорошо просматривается океан. И пляж, залитый светом прожекторов, и десятки Рональдо, и десятки Рональдиño. Пейзаж неизменен, как неизменны ветра Эс-Суэйры. Они меняют лишь направление.

Доминик читает «Фигаро» и рассуждает о том, что хорошо бы съездить в Марракеш. Конец света – еще одна тема, которая живо волнует Доминика.

Для меня конец света уже наступил.

Но я не особо распространяюсь об этом, я полна внимания к бредням Доминика, таким же неизменным, как пейзаж, открывающийся с террасы. Таким же неизменным, как ветра. Ветра приносят песок и соленые морские брызги: маленькие неудобства, их можно считать приправой к нашим ужинам. К мечтам первого порядка: о Марракеше, о Касабланке, о Рабате.

Мечты второго порядка: Франция, *благословенная Франция*, как восклицает Доминик, блаженно закатывая глаза. Хорошо бы когда-нибудь побывать во Франции, сойти на землю исторической родины, кажется, так выражаются русские, Саша?..

Саша – называет меня Доминик. С характерным ударением на последнем слоге: Саша Гитри, Саша Дистель – явления того же порядка. Доминик без ума от песенок Sacha Distel, срок их годности вышел лет двадцать назад, Доминик еще не знает об этом.

Я – знаю.

Ты будешь прелестной старушкой, говорит Доминик, *charmante petite vieille*¹. Это можно отнести к мечтам третьего порядка: стареть вместе. Мы не любовники и никогда не были любовниками, и вряд ли станем любовниками, оттого именно эта мечта Доминика кажется мне легко выполнимой. Я так же, как и Доминик, надеюсь встретить старость в Эс-Суэйре, и ничто не может помешать мне. Ничто, кроме смерти. Но думать о смерти в тридцать лет смешно. Смерть актуальна для двадцатилетних, все остальное человечество она волнует не больше, чем таяние айсбергов в Антарктиде, даже Доминик с его карликовыми страхами не исключение.

Надо бы расширить отель, говорит Доминик. Прибавить к двадцати семи номерам еще как минимум пятнадцать, *как тебе такая мысль, Саша?*

Я отношусь к этому спокойно, никаких пятнадцати номеров не будет. Ни завтра, ни через год, ни еще через тридцать лет, когда я постарею и превращусь в *charmante petite vieille*. Номер, который я занимаю в отеле Доминика, носит порядковый номер 27. Ровно столько мне было, когда я впервые появилась в Эс-Суэйре: в полной уверенности, что конец света уже наступил.

Спасаясь от него, я могла бы улететь в Перу или на Мальдивы, но туристическая компания, в которой я тогда подвизалась, не обслуживала ни Перу, ни Мальдивы. Крошечная Европа оказалась мне ненадежным укрытием, спрятаться в Европе – все равно что спрятаться в пустой комнате; моя неизжитая *l'amour* все равно меня найдет. Вот если бы нас разделяло море, а лучше – океан!.. Марокко – вот и все, что мне сумели предложить. Что ж, пусть будет Марокко, решила я.

Пусть.

¹ Прелестной маленькой старушкой (фр.).

Встречать чартеры два раза в месяц совсем необременительно. Иногда временной промежуток между ними увеличивался до месяца, как теперь обстоят дела с русскими чартерами, я не знаю. Работу в компании я потеряла спустя полгода, и если бы не Доминик...

Доминик.

Трусаватый, лысеющий со лба ангел-хранитель, – вот что такое Доминик. В брюхе Доминика легко уместился бы небольшой отряд морских пехотинцев, поросль на его груди постоянно присыпана крошками – табачными, хлебными; от подмышек Доминика тянет псиной, от бейсболки Доминика тянет козлятиной, и все же я нежно люблю Доминика. Он единственный принял во мне участие, он предоставил мне номер 27 в вечное пользование. У Доминика я получаю жалование: такое же, как и немногочисленный штат отеля, не больше и не меньше. Да и характер моей работы не изменился: я по-прежнему забираю туристов из аэропорта, русских среди них нет. Французы, бельгийцы, иногда – канадцы, несерьезные мужики с серьезными намерениями. Они отягощены подружками, но чаще – досками для серфинга, доски и весь остальной багаж забрасываются на крышу маленького автобуса. Автобус тоже принадлежит Доминику, и, перекинувшись парой фраз с серферами, я сажусь за руль. Французов и бельгийцев это забавляет, канадцы относятся к путешествию с женщиной-шофером настороженно. В любом случае выбора у них нет. После двух с половиной (а иногда и трех с половиной) часов утомительного горного серпантина я непременно получаю приглашение на ужин. Напрасный труд, ужинаю я с Домиником. Для серферов я потеряна безвозвратно. То же можно сказать о футболистах в майках «Рональдо» и «Рональдиньо», о торговцах орешками, о торговцах коврами, о торговцах поддельным берберским серебром, теперь в моей жизни есть лишь один мужчина.

Доминик.

Доминик не клеится ко мне, он не клеился ко мне и в самом начале нашего знакомства, что способствует этому больше – ангельские крылья или вонючая бейсболка? А может быть, все дело в извечной трусости Доминика? Трусость делает его почти провидцем, в контексте Доминика у нее возникает масса других, куда более приятных синонимов: деликатность, сочувствие, сострадание, осторожная симпатия. Да, именно так: *осторожная симпатия*.

Доминик привязан ко мне, Доминик остро во мне нуждается, ежедневные свежесрезанные цветы в номере – это тоже Доминик. И все же он не выходит за рамки осторожной симпатии. Мое прошлое страшит его не меньше, чем поломка кондиционера. Что думает о моем прошлом Доминик? Мое прошлое – *l'amour*?² Мое прошлое – *le merde*?³ На прямой вопрос Доминик не решится и через тридцать лет, когда я стану *charmante petite vieille*. Жаль, что я поняла это слишком поздно. И мне придется приберечь ответ для кого-нибудь другого, не такого трусливого.

Мое прошлое – любовь.

Мое прошлое – дерьмо.

Любовь и дерьмо пребывают в нем в восхитительном, почти сакральном симбиозе. Любовь и дерьмо, дерьмо и любовь, любовь – дерьмо; стоит тебе поставить между любовью и дерьмом знак равенства – и конец света обеспечен.

Трусишке Доминику лучше не знать об этом.

И мечтать о Марракеше, о Касабланке, о Рабате. И черт с ней, с *благословенной Францией*, исторической родиной, на которой Доминик никогда не был. Как не были его отец и, возможно, дед и прадед. Род Доминика пустил корни в Эс-Суэйре задолго до появления межатлантических рейсов «Эйр Франс», нижние ветви его генеалогического дерева пошли на изготовление

² Любовь (фр.).

³ Дерьмо (фр.).

мачт корсарских бригов, средние – на балки и перекрытия отеля «*Sous Le Ciel de Paris*», а нелепая худосочная верхушка – и есть Доминик.

Назвать ее кроной язык не повернется.

И все же я нежно люблю Доминика.

Его французский похож на мой собственный французский, неправильный, не размножающийся в неволе французский. С той лишь разницей, что бреши в нем Доминик частенько затыкает арабскими, а я – русскими словами.

Все еще – русскими.

Le merde.

Дерьмо.

Это может относиться к чему угодно: к утренним туманам, к ценам на бензин, к пропаже пепельницы из пятнадцатого номера (пепельницы из него исчезают регулярно), к интерьеру виллы Алена Делона в одном из предместий Марракеша (Доминик набрел на фото интерьера в каком-то журнале), к постоянно дующим ветрам.

Тут мы с Домиником расходимся.

Ветра – вовсе не *le merde*, как полагает Доминик. Ветра – лучшее, что есть в Эс-Суэйре. Переменчивые, прихотливые, всегда влажные ветра навеки приковали меня к маленькому городишке с большими волнами. Вышибить из башки *l'amour*, которая и есть *le merde*, им не удалось, но во всем остальном они выше всяких похвал. И что-то подсказывает мне: благодаря им я никогда не постарею, история «прелестной маленькой старушки» обойдет меня стороной. Ветра Эс-Суэйры сдуют с лица любой намек на морщины, а губы так и останутся обветренными, упругими и солоноватыми. Точно такими же, какими они были в тот день, когда я встретила *l'amour*.

Ветра Эс-Суэйры возвращают меня в него – снова и снова.

Только теперь, по прошествии трех лет, я поняла высший смысл своего побега в Марокко: я здесь не для того, чтобы забыть все, нет. Я здесь для того, чтобы помнить. Не то, что было потом, когда *l'amour* превратилась в *le merde*, а то, что было в тот первый день.

Воспоминание о счастье. Не больше и не меньше.

Мое воспоминание о счастье – Эс-Суэйра – всегда под рукой.

«Ты странная», – сказал мне однажды (лишь однажды!) Доминик. Мы напились, без всякого повода; мы напились, хотя до очередного Дня перемирия в Первой мировой войне оставалась ровно неделя. Вот тогда-то из брюха Доминика и полезли морские пехотинцы, один за другим. Крепкие парни, совсем не трусливые, и на *осторожную симпатию* им было плевать, учинить допрос – вот чего они жаждали.

– Ты странная, Саша́.

– Почему же, Доминик?

– Тебе никто не пишет. Никто к тебе не приезжает. Ты ни разу ни с кем не говорила по телефону. И ты не выглядишь тоскующей по родине. А русские всегда тоскуют по родине, я знаю.

Что ты можешь знать, Доминик? Ты не был ни в Марракеше, ни в Касабланке, ни в Рабате, о *благословенной Франции* и говорить не приходится. Да что там Франция, даже до аэропорта тебе не добраться. Ведь для этого придется сесть в машину или в твой дурацкий автобус и целых два с половиной часа трястись по утомительному горному серпантину. Это выше твоих сил, трусишка Доминик.

– Может быть, ты – не русская, Саша́?

– Ты же видел мой паспорт, Доминик.

– Да, но...

Чернокожий громила сержант, вот в кого превращается Доминик. И стоит только ему почесать переносицу, как летучий отряд морских пехотинцев безропотно отправляется обратно в брюхо. Никаких допросов больше не будет, несмотря на выпитое.

– Тебе не нравится, как я работаю?

– Ты отлично работаешь.

– Может быть, мне пора освободить номер?

– Что ты! Он твой, ты же знаешь!

– Кстати, вчера в двадцать первом сломался кондиционер, – добиваю я Доминика.

– Дерьмо!..

– Его уже починили.

– Ты прелесть, Саша! Без тебя бы я пропал!

– Интересно, как шли дела до того, как я здесь появилась?

– Из рук вон, Саша! Из рук вон!

Это почти правда. Отель ветшает, Доминик не слишком рачительный хозяин. Тем, кто хотел бы получить здесь полный пакет услуг, ловить нечего. Вся надежда на неприсохших серферов, для них Доминик расписывает доски. Этому занятию посвящено свободное время Доминика. И несвободное тоже. Он – отличный художник и, если бы не трусость, мог бы сделать карьеру именно как художник. Но для этого ему пришлось бы отправиться в Европу и показать доски кому-нибудь из специалистов или ждать, пока такой специалист появится в Эс-Суэйре. И то и другое – из разряда «один шанс на миллион», и простой арифметический подсчет подсказывает, что ждать Доминику придется долго. Я – гораздо деятельнее Доминика и могла бы (в порядке дружеской помощи) сама поискать специалистов; тогда отъезда из Эс-Суэйры не избежать. А покинуть Эс-Суэйру означает снова лицом к лицу столкнуться с концом света.

Переживать его заново у меня нет никакого желания.

И все же я чувствую ответственность за Доминика, вот почему два месяца назад я написала письмо Алексу Гринблату, знаменитому галеристу и теоретику современного искусства. О его существовании я узнала совершенно неожиданно, из того же журнала, в котором были помещены фотографии виллы Алена Делона в одном из предместий Марракеша. Там же имелась сноска на адреса гринблатовских контор. В Лондоне, Париже и Нью-Йорке.

Я остановилась на парижской, потому и письмо было написано по-французски, хотя более расплывчато-космополитичного имени, чем «Алекс Гринблат», и придумать нельзя. Во всяком случае, несомненно одно: Алекс Гринблат – *не араб*.

К письму были приложены семь фотографий семи досок, расписанных Домиником. Виды рыбного рынка Эс-Суэйры, виды Доминика на Марракеш, Касабланку, Рабат. Оставшиеся три доски – плоды воображения Доминика: женщины, которых он никогда не знал, вещи, которых он никогда не касался, чувства, которые он никогда не испытывал. Все заключено в непроницаемую оболочку из водостойких красок (рецепт их приготовления – ноу-хау Доминика), все мерцает, светится внутренним светом и дразнит неопытные души. Опытные, впрочем, тоже. Плоды воображения моего трусливого друга нравятся мне больше всего. Кой черт «нравятся»! – я готова сожрать их, откусить по внушительному куску от каждого и потом долго наслаждаться послевкусием. Послевкусие – вот что важно во всем, что делает Доминик, вот что ценно.

Только конченный серфер может попирать *это* ногами. Что они и делают с разной степенью мастерства.

Никогда, никогда я не приму приглашения на ужин ни от одного из них!..

Ответа от Алекса Гринблата нет и нет.

Поначалу я развлекаю себя тем, что живописую нашу с Гринблатом встречу. В красках, подсмотренных у Доминика. Алекс Гринблат видится мне поджарым, сильно загорелым муж-

чиной лет тридцати пяти или около того. Он свободно говорит на нескольких языках и так же свободно перемещается по миру, государственных границ для него не существует. Плоды воображения имеют для него такую же ценность, как и для меня, если не большую. Да-да, несомненно, – большую! Ведь Алекс Гринблат – профессионал, открывающий миру новые таланты, то есть человек с совершенно особым зрением. Не исключено, что и глаза его выглядят как-то иначе, чем у других людей. Возможные варианты:

- зрачки вечно сужены, как у египетской кошки;
- зрачки вечно расширены, как у кошки породы камышовый пойнт;
- со зрачками все в порядке, но на радужной оболочке легко просматривается эскиз к

ван-гоговским «Виноградникам в Арле».

И наконец, последний, самый правдоподобный, вариант:

- у него чертовски красивые глаза.

Как бы то ни было, даже *чертовски красивые глаза* не могут оправдать молчание Алекса Гринבלата. И по мере того, как оно затягивается, меняется и облик «теоретика современного искусства». Алексу Гринблату больше не тридцать пять, по меньшей мере – полтинник. *Поджарый, сильно загорелый* – ха-ха! – эта история совсем не про тебя, Алекс Гринблат! Твоему брюху позавидовал бы и простак Доминик; складки жира на шее, омерзительная плешь, кислотой разъедающая череп. Тонкие губы или – напротив – слишком толстые, мокрые, сложенные в скобку. Губы и плешь выдают тебя с головой, сраного мистификатора. То, чем ты занимаешься, – сраная мистификация, не больше и не меньше. Легко представить, что ты втюхиваешь яйцеголовым снобам под видом современного искусства. *Мазню*, вот что! *Энди Уорхол forever* сказал бы Доминик, если бы знал, кто такой Энди Уорхол. Он не знает.

Я – знаю.

Я знаю и много чего другого, но эти знания неприменимы к Эс-Суэйре. И поэтому я люблю ее еще больше, я довольна Эс-Суэйрой так же, как Эс-Суэйра довольна мной. Алекс Гринблат и яйцеголовые снобы пребывают в схожем экстатическом единстве, разночтения вызывает лишь сумма за очередную концептуальную *мазню*. Алекс Гринблат норовит завесить планку, снобы – занизить, чтоб ты сгорел, Алекс Гринблат!..

Сранный мистификатор, торговец тухлятиной, записной мудака!

Le merde.

Эта мысль успокаивает меня, я больше не жду ответа от Алекса Гринבלата.

Я больше не думаю о нем.

Но в один прекрасный вечер Алекс Гринблат сам напоминает о себе.

Это мог быть и другой вечер, все вечера в Эс-Суэйре одинаково прекрасны, но именно тем вечером я отправляюсь в аэропорт с табличкой «**MONTAGNARD**».

«Montagnard» – карликовая фирма, одна из нескольких карликовых фирм, все еще сотрудничающих с отелем Доминика. Идиотов, которые пользуются услугами «Montagnard», наберется не больше двух десятков, в основном это мелкие клерки, владельцы стареньких мопедов, отставные спортсмены с вечными жалобами на мениск или студентки, бурно переживающие любовную драму. Французы, бельгийцы, иногда – канадцы.

В аэропорту я нахожу шестерых, они прибывают к моей табличке, щерят зубы в одинаковых улыбках: o-la-la, mademoiselle, так это вы будете сопровождать нас? правда ли, что здесь сильные ветра? правда ли, что здесь не очень жарко? жары хотелось бы избежать, а волны? правда ли, что здесь лучшие в Марокко волны? (Волны интересуют отставных спортсменов, следовательно: двое из шести – отставные спортсмены, судя по ввешемуся в кожу бледному загару – горнолыжники, нытье и стенания по поводу мениска обеспечены).

Досок для серфинга ни у кого из шестерых нет.

Три пластиковых чемодана на колесиках, две спортивные сумки «Athens-2004» и один рюкзака – вот и весь багаж невинных жертв «Montagnard», он легко помещается в салоне авто-

буса. Горнолыжники с испугом наблюдают, как я занимаю место за рулем, остальные четверо отделяются традиционным «o-la-la, mademoiselle!», вот только энтузиазма и жизнерадостности в голосах явно поубавилось. Мы уже готовы тронуться в путь, когда появляется *седьмой*.
Седьмой.

Поджарый, сильно загорелый мужчина лет тридцати пяти. Горнолыжником его не назовешь, клиентом дешевенькой «Montagnard» – тоже. Это – **vip**-персона, ее должен встречать как минимум лимузин (если, конечно, свой лимузин она не возит с собой) и эскорт мотоциклистов. Или вертолет, вертолетная площадка находится неподалеку от терминала.

Vip-персона облачена в тошнотворно дорогой, шитый явно на заказ костюм, кожаные туфли сияют мертвенным блеском. Фотографии таких типов можно отыскать на обложках журналов, подпись под ними гласит: «**ЧЕЛОВЕК, СПАСШИЙ ОТ ДЕФолТА ЭКОНОМИКУ ПАРАГВАЯ**». Да-да, рубрика «Спасители мира» подходит им больше всего, они с легкостью приручают премьер-министров крохотных островных государств, вице-президентов транснациональных корпораций и собак экзотических пород. Лишь с кошками отношения не складываются.

Кошек им ни за что не проглотить.

Но в качестве утешительного приза остаются фотомодели. Такие типы или женаты на фотомоделях, или собираются жениться на фотомоделях, или находятся в состоянии бракоразводного процесса с фотомоделями. Глядя на *седьмого*, можно предположить как раз второй или третий вариант: обручального кольца у него на пальце нет.

Чемодана на колесиках тоже. И спортивной сумки. И рюкзака. И доски для серфинга. Только небольшой саквояж, с ним удобно спасать мир, в нем нет ничего лишнего. За три года я перевидала тонны багажа, этот – *самый оптимальный*.

– Погодите, – говорит *седьмой*, когда мы уже готовы тронуться в путь.

Он стоит метрах в трех от автобуса (при этом дверцы автобуса уже захлопнуты), он не повышает голоса, и все же, все же... Голос проникает в салон, обволакивает горнолыжников и еще четверых, он – везде. Хорошо поставленный, не терпящий никаких возражений голос. Этим голосом хорошо отдавать команду к запуску крылатых ракет, объявление Третьей мировой тоже бы сгодилось, только меня тебе не проглотить, *cher ami*.

Ни за что.

Дверцы автобуса я не распахиваю.

Похоже, *седьмого* это не смущает. Он не считает ниже своего достоинства обойти автобус и остановиться напротив водительского места. На лице его играет доброжелательная улыбка, определить ее стоимость затруднительно. Сто тысяч долларов? Двести?..

– Привет, – скалится *седьмой*. – Вы не подбросите меня до Эс-Суэйры?

Звучит вполне демократично, эта фраза подошла бы любому из путешествующих авто-стопом, она легко вынимается из заднего кармана залатанных джинсов и так же легко приколачивается к физиономии; **vip**-персона не сделала мне ничего дурного, почему я испытываю к ней чувство острой неприязни?

Классовая ненависть, так будет вернее.

– Это не рейсовый автобус, – отрезаю я.

Улыбка *седьмого* становится еще ослепительнее.

– У вас на лобовом стекле написано «Эс-Суэйра».

– И что?

– Мне бы хотелось туда попасть.

Я тщетно ищу в лице **vip**-персоны хотя бы один изъян, это позволило бы мне отнестись к ней если не с симпатией, то хотя бы с пониманием. Но ни одного изъяна не обнаруживается, корпоративные психологические тренинги не прошли даром, я даже подозреваю, что **vip**-пер-

сона сама их и разрабатывает. Безупречный нос, столь же безупречная линия рта, натренированные длительным восхождением по карьерной лестнице лицевые мышцы. И глаза.

Чертовски красивые глаза.

Глаза приводят меня в ярость.

– Так я могу войти в салон?

Вместо ответа я вытаскиваю табличку «**MONTAGNARD**» (о, трижды благословенный «Montagnard»!) и стучу по ней ладонью.

– Мы обслуживаем туристов, воспользовавшихся услугами этой фирмы.

– Вы лично?

– И я... в частности.

– Значит, в Эс-Суэйру я не попадаю?

– Нет. Во всяком случае, на моем автобусе.

– Но у вас в салоне полно мест, – вполне резонно замечает **vip**-персона.

– Это ничего не меняет.

Меняет, и еще как! Из «o-la-la, mademoiselle» я превращаюсь в упрямую дуру. Стерву, со вкусом пользующуюся своим служебным положением, вздорную бабенку и, наконец, просто в истеричку с предменструальным синдромом. Я больше не восседаю на водительском кресле, я стою на сцене, почти голая, освещенная прожекторами. Я полностью провалила роль, и теперь любой, сидящий в зале, может швырнуть в меня яйцом или пакетиком с майонезом, или потребовать вернуть деньги за билет. Яйцо или пакетик с майонезом, да. Горнолыжники точно не промахнутся. Вот и сейчас один из них говорит мне:

– Какие-то проблемы? Почему мы не можем взять этого парня?

– Я не беру кого ни попадя, – отрезаю я. – Это не Европа.

«ЭТО НЕ ЕВРОПА» – убийственный аргумент. Это – не Европа, следовательно, никто не может быть в безопасности. Но безопасности нет и в самой Европе. Хотя я и не читаю газет, но ужины с Домиником оказали свое тлетворное влияние. Я в курсе, что в мире сейчас неспокойно, взрывы гремят повсюду, число невинных жертв растет. Марокко – спокойная страна, может быть – самая спокойная из всех стран; *толерантная*, как любят выражаться сами европейцы, и сейчас я в некотором роде предаю землю, приютившую меня. И все из-за сукина сына с чертовски красивыми глазами.

– Вы думаете, у него бомба в саквояже? – голос горнолыжника полон иронии.

– Мы летели с ним в одном самолете, – поддерживает его молодой человек, по виду – студентик, переживающий любовную драму. – И ничего подозрительного не заметили.

Четверо других с готовностью хохочут, я по-прежнему стою на сцене, почти голая, полностью провалившая роль. Дура. Стерва. Истеричка с предменструальным синдромом.

– Ох уж эти женщины, – резюмирует кто-то. – Если кого и стоит опасаться, то только их.

Мы проплываем мимо **vip**-персоны, нарочито медленно, издевательски посверкивая фарами. Должно быть, это – первый случай, когда Спасителю мира хоть в чем-то было отказано. Несколько секунд его понурая фигура маячит в зеркале заднего вида, ничего, возьмешь такси, сукин сын!..

Первые полчаса разговор в салоне вертится вокруг бомб, спрятанных в укромных местах (в шутку предлагаются самые невероятные); и вокруг того, как может выглядеть террорист (у всех шестерых на этот счет сходные мнения). К тому же все шестеро, прямо или косвенно, почувствовали на себе отголоски взрывов в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне: один едва не сел в поезд, впоследствии взорванный, еще один оказался на Манхэттене, в квартале от башен-близнецов; еще один получил sms-сообщение от двоюродного брата за несколько мгновений до его гибели; еще один парковал велосипед рядом со взлетевшим на воздух лондонским *double-decker* и видел, как страшно тот горел, и даже заснял это на камеру в мобильнике. Но самой удручающей оказывается история студентика: его невеста, испанка Мерседес, начинающая тан-

повщица, как раз таки села в поезд. Тело Мерседес – сладкой, как яблоко, – было настолько изуродовано, что ее с трудом опознали. На опознании студентик не присутствовал: горе от этого не стало меньше.

Заколка и дешевенькое кольцо – вот и все, что осталось в память о ней.

Я жду, что студентик начнет демонстрировать – и заколку, и кольцо; к счастью, все обходится без драматических подробностей. Но и просто рассказа оказывается достаточно: все сочувствуют студенту, меланхолично сопят, вздыхают и ерзают на сиденьях. Гибель возлюбленной не идет ни в какое сравнение ни с sms-сообщением от погибшего кузена, ни с заснятым на камеру пожаром; она прибавляет художочному невзрачному студенту человеческой значимости, на ренту от трагедии он будет существовать еще долго, может быть – всю оставшуюся жизнь.

Я не знаю, стоит ли ему верить и существовала ли когда-нибудь Мерседес – сладкая, как яблоко? А если и существовала – обратила бы она внимание на этого заморыша? О том же, наверное, думает и горнолыжник, который предложил мне прихватить **vip**-персону. Скорбные складки у носа выдают в нем неудачника, *вечного второго*, вот кому бы подошла история с Мерседес. И у скорбных складок появился бы совсем другой под-текст.

Некоторое время в салоне стоит напряженное молчание. После Мерседес никто не решается перевести беседу на более легковесные темы, это выглядело бы кощунственно. Все шестеро мучаются немотой, рты их кажутся зашитыми сапожной драгвой, заклеенными скотчем, заткнутыми кляпом. Бедолаги даже посинели от недостатка воздуха и осознания собственной чуткости. И приверженности христианским нравственным ценностям.

Мне плевать на христианские ценности, вот уже три года я живу в мусульманской стране.
– Кстати, погода сейчас стоит отличная, – говорю я.

При чем здесь «кстати»? К чему относится «кстати»? К тому, что *такая погода* обязательно бы понравилась Мерседес – начинающей танцовщице, сладкой, как яблоко? Уж она-то не стала бы сидеть возле бассейна; именно возле бассейнов целыми днями околачиваются европейские неженки, напрочь забыв, что совсем рядом существует океан.

Собственного бассейна в отеле Доминика нет.

– А волны? – спрашивает горнолыжник.

– Волны – выше всяких похвал.

– Отлично. Просто отлично.

– Снаряжение вы можете получить в отеле. Стоит оно недорого.

– И есть куда пойти развлечься? – вклинивается в разговор парень, заснявший на камеру взрыв в *double-decker*.

– Таких мест полно.

За три года я не посетила ни одного и даже не разжилась сувенирной кружкой «**MARRAKECH IMPRESSIONS**», такими кружками торгуют на каждом шагу, все они сделаны в Китае.

– Вы посоветуете самое убойное?

В устах парня это звучит как «splendide».

– Список всех убойных заведений вы тоже найдете в отеле.

– А вас? Где можно найти вас?

Это уже студентик, он сидит прямо за моей спиной, он гораздо ближе ко мне, чем все остальные, и, пользуясь этим, решил подбить клинья – вот паршивец! Так и есть, Мерседес никогда не существовало.

– Я не испанка. И тем более – не танцовщица, – шепотом отвечаю я студенту.

– Вы не поняли...

Не дав студенту договорить, я включаю радио. Сразу несколько радиостанций передают французскую музыку, песенка Sacha Distel в их репертуаре не сыскать.

У себя, в Эс-Суэйре, мы катастрофически отстали от жизни.

– Но вы и не марокканка, – продолжает бубнить студентик.

– Нет.

– У вас странный акцент.

Ненавижу бесплодные дискуссии по поводу моего акцента. Они возникают сразу же, стоит мне только открыть рот, еще ни одна догадка не оказалась верной. Французы, бельгийцы, канадцы строят самые фантастические предположения, как-то были упомянуты даже Лихтенштейн и Черногория. Но о России не заикнулся никто. Я рада этому факту, я и сама предпочла бы не вспоминать о ней, я и не вспоминаю. Россия – миф, убеждаю я себя. Фантом. Такой же, как и Мерседес. Я прижилась в марокканской Эс-Суэйре, но с тем же успехом могла прижиться и в Перу, и на Мальдивах – лишь потому, что они – *не Россия*. После того как моя *l'amour* превратилась в *le merde* – Россия мне противопоказана. Там еще остается пара-тройка моих друзей (при встрече я бы вряд ли их узнала), мама (слишком занятая воспитанием трех моих племянников, чтобы переживать еще и обо мне), крохотная однокомнатная квартирка в Питере и человек, который превращает в *le merde* все, к чему бы ни прикасался.

Моя любовь не стала исключением.

Черт возьми! Я несправедлива к нему, скорее всего, – несправедлива. Но разве существует справедливость, если речь идет о любви? Я несправедлива не больше, чем он сам, «твоя страсть порочна», сказал он мне при расставании, «тебе нужно лечиться и вообще... оставь меня в покое, идиотка!»

Оставь меня в покое, идиотка! – *достойный финал.*

Курс химиотерапии после такого финала необходим. За ним следует выпадение волос и переоценка ценностей. И то и другое счастливо меня миновало.

Горнолыжника зовут Жюль, его приятеля – Джим, студентик откликается на универсальное имя Мишель, подслушать имена остальных не удалось. Да и какая мне разница, одно я знаю точно: русского, любимого мной, я не услышу. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. И сделаю все, чтобы и впредь не слышать его. Раньше все было совсем по-другому. Даже в мои первые месяцы в Эс-Суэйре все было по-другому. Откуда только не доносилось *его* имя, части *его* имени, буквы *его* имени!..

Рыбный рынок.

Когда-то, во времена деда Доминика, он был намного больше, чем сейчас. Но и нынешний – он в состоянии поразить воображение. Груды сетей (с крупными ячейками, с мелкими ячейками) – в них копошатся многочисленные чайки и немногочисленные женщины в пестрых лохмотьях. Чайки выбирают мелочь, оставшуюся от улова, женщины чинят сети. Разделочные столы расставлены прямо на причалах, в лотках копошатся крабы и сваленные в груды королевские креветки, акулы тела отливают серебристым металлик. Запах сырой рыбы смешивается с запахом жаренной во фритюре, дым из самодельных мангалов и грилей поднимается к небу. После обеда рыбаки устраиваются отдыхать здесь же, на сетях, в обществе чаек и моллюсков – самая настоящая сиеста, освещенная (освященная?) жарким послеполуденным солнцем.

Определенно рыбный рынок лидировал по частоте упоминаний. По их изощренности. Связано ли это с самой рыбой – холодной, безжизненной, ослепительно прекрасной? Связано ли это с чешуйками, остающимися на губах, на пальцах? – и не только там, они появлялись и в местах, защищенных от какого-либо вторжения: на груди, животе, тыльной стороне бедер, там, куда Он любил целовать меня до того, как я стала идиоткой, снедаемой порочной страстью. Отделаться от рыбьей чешуи было непросто, сократить визиты на рыбный рынок – еще сложнее. Особенно после того, как была выявлена эта странная взаимосвязь между поцелуями, бывшими когда-то, и нынешней, вполне свежей и жизнеспособной чешуей. Бывали дни, когда я ходила облепленная ею с головы до ног, даже Доминика это беспокоило. *Ты неважно выглядишь, Саша!*, говорил в таких случаях Доминик. Ясин, Хасан, Хаким – вот кто ничему не

удивлялся, ни о чем не беспокоился. Ясин, Хасан, Хаким – рыбаки; у Ясина – лодка с мотором, Хасан и Хаким рыбачат вместе, на крошечном катере, и так же синхронно жалуется на то, что рыбы в последние годы стало намного меньше. Ясин не жалуется ни на что, у него я чаще всего и делала покупки. В свои двадцать пять Ясин все еще не женат, Хасан и Хаким считают его полупомешанным. И, видимо, не только они: покупателей у Ясина почти нет, его лодчонку (Ясин торгует прямо с лодки) большинство обходит стороной.

У Ясина дурной глаз, дурной глаз.

И у рыбы, которой торгует Ясин, дурной глаз. Сплетни. Враки. Средневековая дремучесть, для Эс-Суэйры это простительно. И все же в глаза рыбы, которой торгует Ясин, я так и не решилась заглянуть, а уж мне-то точно нечего терять.

Оказывается – есть.

Я думаю об этом всякий раз, когда прошу Ясина выпотрошить рыбу. Ясин с готовностью откликается на просьбу и не берет дополнительной платы, хотя пара-тройка дирхам были бы для него не лишними. Я же откровенно пользуюсь статусом постоянного покупателя; дурацкая блажь, рыбу можно выпотрошить и на кухне Доминика, – а все из-за сплетен и врак, их распускают Хаким и Хасан. *В брюхе у рыбы, которой торгует Ясин, что-нибудь да същется.*

Это – правда. Или почти правда.

Еще ни разу я не уходила от Ясина с пустыми (рыба не в счет) руками. Умилительные мелочи, составившие бы счастье пятилетнего ребенка: бусинки, перышки, стеклянные шарики, рыболовные крючки, позеленевшие монетки – возможно, тех времен, когда Эс-Суэйра была португальским Магадором. А однажды Ясин извлек из рыбьего брюха курительную трубку. Маленькую, но самую настоящую. Трубка осталась у меня, так же как стеклянные шарики и рыболовные крючки. Мне не хватает духу почистить ее и не хватило духу от нее отказаться. Впрочем, Ясин не принял бы отказа, ведь к тому моменту, как он берется за нож, рыба уже куплена. А следовательно, принадлежит мне со всей требухой, курительные трубки – не исключение.

У меня нет оснований подозревать Ясина в мошенничестве, я внимательно слежу за его руками: ни одно движение не ускользнет от меня, ни одно движение не останется незамеченным. Вздумай Ясин подложить хотя бы перышко, я сразу выведу бы его на чистую воду. Но нет, он просто разрезает рыбу. Просто разрезает – и все. И – о-опс, в его пальцах оказывается курительная трубка. И дело не в том, что именно он извлек сегодня. Дело в том, что он *извлечет завтра.*

Сплетни и враки, которые распускают Хасан и Хаким, принесли свои плоды. Где-то в глубине моей души зреет уверенность: когда-нибудь Ясин вытащит из рыбьего брюха то, что можно будет посчитать предзнаменованием. Дурным предзнаменованием, потому что ничего хорошего я давно не жду. Пока все ограничивалось мелкими безобидными предметами, меня это устраивает. Вполне.

Мне бы хотелось поговорить с Ясином, но его французский оставляет желать лучшего. Так же, как и мой арабский: двадцать дежурных фраз, на большее я не способна. Остаются интернациональные улыбки, мы обмениваемся ими постоянно. За три года я хорошо изучила все их оттенки, за ними не скрывается ничего, кроме почтительности, дружеского расположения и страха потерять постоянного покупателя. По здравом размышлении, улыбка может предполагать и нечто большее: *мужскую заинтересованность*, например. Такой заинтересованности робкий холостяк Ясин не проявляет. А о том, что произошло со мной и Ясином три года назад, ни он, ни я предпочитаем не вспоминать.

Тот день.

Тот день, названный мною впоследствии Днем Рыбьей Чешуи.

Он совпадает с моим четвертым визитом на рынок. Третий был предпринят накануне: я уже несколько месяцев в Эс-Суэйре, боль особенно сильна, и одиночество, на которое я

сознательно обрекла себя, не делает ее слабее. Поход на рынок – еще один способ отвлечься от нее. Или – напротив – усилить. Но салака, сельдь и ставрида – плохие союзники, если вообще можно считать их союзниками. Вернувшись с рынка, я обнаруживаю прилипшие к губам и пальцам чешуйки. Тело тоже покрыто чешуей: грудь, живот, тыльная сторона бедер. Смыть, содрать ее не представляется возможным.

Что, если она так и останется на моей коже?

Как оставалась впоследствии не раз, но тогда это произошло впервые. В крошечной библиотеке Доминика я нахожу потрепанную энциклопедию рыб и, запершись в номере, внимательно изучаю ее. Если уж мне предстоит стать рыбой, хотелось бы знать, какой именно.

Салака, ставрида, сельдь – не самый подходящий вариант.

Может быть, тунец?

За ужином я в шутку обсуждаю свои возможные перспективы с Домиником. В ответ он и произносит: *ты неважно выглядишь, Саиа́*.

Неважно выглядеть еще не означает стать рыбой, но именно это замечание заставляет меня на следующее же утро вернуться к Ясину. Мы улыбаемся друг другу и стараемся из нескольких французских и арабских фраз слепить подобие разговора:

– Я была у вас вчера, – говорю я Ясину. – Я покупала рыбу.

– Я помню, – отвечает он.

– А теперь не могу от нее отделаться.

Причал почти пуст, если не считать катера Хасана и Хакима, пришвартованного метра в пятидесяти. И чаек, кружащихся в поисках пищи; над лодкой Ясина не видно ни одной. Ясин разводит руками: он не понимает, чего от него хочет белая женщина.

– Губы. Вы видите, какие у меня губы?

Мне не хватает словарного запаса, чтобы объяснить ему: я промучилась всю ночь, пытаюсь избавиться от чешуи, стоит прикоснуться к ней – и кожа начинает кровоточить.

Ясин смотрит на меня снизу вверх, широко расставив ноги и покачиваясь вместе с лодкой.

– Идите сюда.

– Куда?

– Спускайтесь.

Я прыгаю в лодку к Ясину, чешуйки – одна к одной – сверкают на солнце, должно быть, со стороны они смотрятся красиво, смотрятся волшебным.

– Что мне с этим делать?

Несколько секунд Ясин рассматривает мое лицо, затем тихо произносит:

– Malheur...

Несчастье, вот как. Французское слово, сказанное арабом, выдает его русскую сущность. Мою русскую сущность – *несчастье*.

Я несчастна. Со мной случилось несчастье. Спасаясь от него, я бежала в Эс-Суэйру, но покоя нет и здесь. Лучше бы я заразилась герпесом.

Ясин манит меня пальцем. Чтобы добраться до него, приходится приложить усилие: лодка гораздо больше, чем казалась мне с пирса. К тому же она забита рыбой, но характерного запаха я почему-то не чувствую.

Стоит мне приблизиться, подойти вплотную, как Ясин крепко обхватывает мой подбородок и целует меня в губы.

Все происходит так внезапно, что я не успеваю ни возмутиться, ни отшатнуться. Ни ткнуть Ясина в зубы. Но даже если бы успела... Я не стала бы этого делать. Что-то внутри подсказывает мне: в поцелуе молодого рыбака нет ничего оскорбительного. Он – рука помощи, протянутая человеку, с которым случилось несчастье. Вот и все.

Пять секунд – ровно столько времени занимает поцелуй. Ровно столько понадобилось бы официанту со стажем, чтобы смахнуть со стола крошки и перестелить скатерть. Ясин – опытный официант, что он забыл в утлой рыбацкой лодчонке – непонятно.

– Теперь лучше? – спрашивает Ясин.

– Намного.

Я провожу языком по губам: они свободны, осталось выяснить судьбу живота и тыльной стороны бедер. Но и без дополнительных изысканий ясно: с ними тоже все в порядке. Мне хотелось бы объясниться с Ясином.

– Как это у вас получилось?

– Меня зовут Ясин, мадам.

Именно тогда он и представился; момент если не торжественный, то хотя бы запоминающийся. Приходится признать: так эффектно со мной не знакомился еще никто.

– Это фокус?

Ясин энергично трясет головой: *нет*.

– Шутка?

Ясин отделяется взмахом руки: *нет*.

– Профессиональный трюк?

Ясин дарит мне одну из своих многочисленных болтливых улыбок (впоследствии мне даже удастся классифицировать их): *нет*.

Ясно, что истины я не добьюсь; не сегодня, не в этот раз.

– Как бы то ни было... Спасибо, Ясин.

– Хотите что-нибудь купить?

Профессиональный трюк. Мне хочется думать, что это был профессиональный трюк: не исключено, что именно таким экстравагантным способом хитрый рыбак заманивает в свои сети покупателей. Но для этого нужно, как минимум, договориться с рыбой и рыбьей чешуей. А это уже не трюк, это – самое настоящее... С ходу подобрать слово не удастся. Может быть – волшебство?.. Я в Магрибе, не стоит об этом забывать.

– Купить? Пожалуй.

Рыба не нужна мне, после происшедшего глаза бы мои ее не видели, но нужно ли разочаровывать Ясина?

– Возьмите вот эту. Настоящая красавица. Такая же красавица, как вы.

Комплимент более чем сомнительный. Особенно в свете того, что я произношу через мгновение:

– Вы почистите ее?

– Конечно, мадам. – Ясин несколько не удивлен.

– И... м-м... удалите внутренности?

– Да.

Ясин с ловкостью вспарывает рыбий живот и извлекает из него первую бусину. Теперь я вспоминаю, что первая бусина была извлечена тем утром. За три года их набралось на несколько комплектов бус, но та бусинка была первой. Темная, с едва заметными зеленоватыми прожилками, очаровательная вещица, ничего не скажешь.

– Возьмите, мадам. – Ясин протягивает мне бусинку.

– Зачем? – Неприхотливый подарок из глубин Атлантики почему-то пугает меня.

– Рыба ведь уже ваша. И все, что в ней, – тоже ваше.

– Лучше бы там обнаружилась кредитка, – неуклюже шучу я. – На пару тысяч евро.

Неизвестно, на сколько потянет курительная трубка, но ждать ее придется еще несколько лет. О Ясине же я и теперь знаю не больше, чем в момент нашего поцелуя, да и то – все мои знания сводятся к сплетням и вракам, которые распускают Хаким и Хасан.

Сплетни и враки, составляющие элемент конкурентной борьбы.

Не все в них – неправда.

...Что же заставляет меня обратиться к мыслям о странном рыбаке Ясине сейчас, по дороге из аэропорта в Эс-Суэйру? И дурацкий День Рыбьей Чешуи, и поцелуй, которым он ознаменовался? Во всем этом не больше смысла, чем в футболках с надписью «Рональдо» и «Рональдиньо» по полтора доллара за штуку.

Или – больше?

Мне нужно увидеться с Ясином. Прихоть и блажь, если учесть, что мы и так видимся с ним довольно часто и я все так же покупаю у него рыбу. И все так же получаю подарки, составившие бы счастье пятилетнего ребенка. Прихоть и блажь, если учесть, что его французский не улучшился. Так же, как и мой арабский.

И все же – мне нужно увидеться с ним.

Просто потому, что что-то неуловимо изменилось. За последние несколько часов. Это «что-то» меняется и теперь, каждую минуту, каждую секунду, каждое мгновение. И Эс-Суэйра, к которой мы стремительно приближаемся, больше не кажется мне конечным пунктом назначения. Моим собственным конечным пунктом. Я так надеялась на это – и надежды рассыпались во прах.

Неужели всему виной *чертовски красивые глаза?*..

* * *

...Жюль и Джим занимают номер семнадцать. Студентике Мишелю достается двадцать первый. Двадцать один – его счастливое число, об этом он сам сообщил мне, когда я попыталась впихнуть его в четырнадцатый. Что ж, двадцать первый тоже свободен, к тому же там совсем недавно починили кондиционер, так что сбоев быть не должно.

Кондиционеры – слабое место отеля Доминика.

Парню, заснявшему на камеру взрыв в *doubledecker*, все равно где остановиться. Его зовут Франсуа Пеллетье. На это имя я и заполняю регистрационную карточку, от руки внося данные в плохо пропечатанный листок – компьютера у нас до сих пор нет.

– Мне все равно, где вы меня поселите, – говорит Франсуа. – Номер тринадцать тоже подойдет.

– В отелях нет тринадцатых номеров.

– Нет?

– Как правило, нет.

– Ваш отель – исключение из правил?

– Не думаю.

– Жаль.

Ему несколько не жаль, это видно по его жизнерадостной физиономии.

– Можете звать меня Фрэнки.

«Фрэнки» – очень уж по-американски это звучит, а еще говорят, что французы ненавидят все американское по определению. Фрэнки, ха-ха, Фрэнки, с таким именем трахают шлюх в придорожных кемпингах на Среднем Западе и выигрывают у одноруких бандитов фантастическую сумму в тридцать баксов. С Фрэнки проблем не будет, даже если потечет кондиционер.

Фрэнки – симпатяга.

– Вы обещали мне список самых убойных заведений этого городишки.

– Держите.

Я протягиваю ему список, составленный со слов прежних постояльцев; вопрос лишь в том, совпадут ли их вкусы со вкусом продвинутого живчика Фрэнки.

– Только если вы надеетесь обнаружить здесь Лас-Вегас... Или квартал красных фонарей...

– То?..

– Боюсь, мне придется вас разочаровать.

– Вы не можете меня разочаровать. Вы – само очарование.

Это звучит как приглашение посетить придорожный кемпинг на Среднем Западе, из недостатков подобных заведений можно отметить тонкие стены, хлипкие задвижки на дверях и отсутствие горячей воды.

– И, кстати, у вас странный акцент. Вы ведь не марокканка?

– Нет.

– Может быть, Техас? Аризона? Небраска?

Фрэнки так и норовит съехать с автострады к греющим его душу картонным мотелям с вечно живой неоновой вывеской «VACANCY»⁴.

– Номер семь. Возьмите ключи.

– А дубликаты у вас есть? – интересуется Фрэнки.

– Конечно.

– Если вы когда-нибудь решите воспользоваться дубликатом, я буду рад.

– Когда-нибудь?

– В течение двух недель. Я пробуду здесь две недели.

Не такой уж он симпатяга, как мне показалось вначале. Не симпатяга, но и не липучка, форсировать события не стал, просто *внес предложение* и отвалил от стойки. Я смотрю на прямую, лишённую всяких сантиментов спину, на аккуратную практичную задницу: никакой он не Франсуа Пеллетье, он и правда – Фрэнки.

Из двадцати семи номеров заняты (с учетом прибывших шестерых) десять. День, когда мы с Домиником прогорим, гораздо ближе, кажется. «Мы с Домиником» – эта чудесная формула спасала меня до сегодняшнего дня. Ради нее я занимаюсь кондиционерами и кухней, езжу в аэропорт за псевдосерферами и целыми днями торчу на ресепшене. Но теперь все изменилось. И меняется – каждую минуту, каждую секунду, каждое мгновение.

К чудесной формуле прибавился новый элемент, и одного этого оказалось достаточно, чтобы полностью исказить ее сущность.

Чертовски красивые глаза – что я делаю на проклятом ресепшене?

Чертовски красивые глаза – что я забыла в проклятой Эс-Суэйре, забытой богом задолго до меня?

Чертовски красивые глаза – мне нужно увидеться с Ясином. Я почти уверена, что одна из его улыбок скажет мне больше, чем говорила до сих пор.

Чертовски красивые глаза – они и сейчас передо мной.

Это – не наваждение, нет.

Чертовски красивые глаза принадлежат **vip**-персоне, внимательно изучающей меня с противоположной стороны стойки.

– Вы?! – я не верю собственным глазам, совсем не таким красивым. – Что вы здесь делаете?

– Мне пришлось арендовать машину, – сообщает **vip**-персона вместо приветствия. – Это обошлось недешево.

– Надеюсь, вы не выставите мне счет?

– Нет.

Я начинаю перекидывать бумаги, я щелкаю ручкой, я отодвигаю ящик стола – все эти жалкие ухищрения направлены на то, чтобы не встретиться с *чертовски красивыми глазами*.

– Чем могу быть полезна?

⁴ Свободные места (англ.).

– Вы уже могли быть полезны, – в голосе **vip**-персоны нет злости, но и ничего другого тоже нет. Полное безветрие, я чувствую себя застрявшей в складках ледника, без всякой страховки, без всякого снаряжения.

– О'кей. Давайте начнем все сначала.

– О'кей. Давайте попытаемся. Это отель «*Sous Le Ciel de Paris*»?

– Если верить вывеске – да.

– Свободные места есть?

Отель Доминика (и без того небольшой) съезживается до размеров коробки из-под пиццы с последним черствым куском на дне: он не полезет в глотку даже электриковому, даже разносчику овощей – что уж говорить о **vip**-персоне!

– Свободные места... э-э... свободные места...

– С ними какие-то затруднения?

– Нет. Никаких затруднений нет. Хотя в разгар сезона свободные места отыскать трудно. – Мне важно поддержать престиж отеля Доминика. А заодно – и свой собственный престиж. Остаток ночи уйдет на выяснение причин, *почему это так важно*. Но ночь еще не наступила.

– Сейчас ведь не разгар сезона?

– Нет. Вам нужен номер с видом?

– А у вас имеются номера с видом? – **vip**-персона удивлена, если не сказать – потрясена. – Вообще-то мне нужен просто номер. Любой номер. Желательно – с работающим сливным бачком.

Еще никому не удавалось вот так, походя, оскорбить отель Доминика.

– У нас здесь, конечно, не «Ритц» и не «Амбассадор», но на бачки еще никто не жаловался. Второй этаж и вид на океан вас устроит?

– Валяйте второй этаж.

– За океан придется доплатить.

– Сколько?

– Пятьдесят евро.

Vip-персона перегибается через стойку: теперь *чертовски красивые глаза* приблизились ко мне вплотную, и я могу рассмотреть их. Темные с едва заметными зеленоватыми прожилками, что-то это мне напоминает. Ну да – ту первую бусину, которую выложил передо мной Ясин.

Забавно.

– Дополнительных пятьдесят евро в сутки. За океан, – говорю я.

– А он того стоит, океан?

Океан шумит, не умолкая, – подобно испорченному сливному бачку. Проекторы горят всю ночь. И десятки Рональдо, гоняющих мяч в свете прожекторов. И десятки Рональдино.

– Нет. Он того не стоит.

– Тогда я оставлю пятьдесят евро себе. Давайте ключ.

Полностью раздавленная железной логикой **vip**-персоны, я отдаю ей ключ от двадцать пятого номера.

И только спустя несколько минут, когда она уже скрылась в недрах отеля, до меня доходит смысл произошедшего:

– я не потрудились взять у **vip**-персоны паспорт;

– я не заполнила регистрационную карточку;

– я поселила его в номере рядом с собой.

Последнее обстоятельство пугает меня больше всего. «Воспользоваться служебным положением», вот как это называется. У двадцать пятого номера и номера двадцать семь, который занимаю я, – смежный балкон, разделенный узкой фанерной перегородкой. И дверь в стене,

закрытая с незапамятных времен. Но это не означает, что ее невозможно открыть. Просто ключа от нее не существует.

Меня ждет ужин с Домиником.

Я так заинтригована *чертовски красивыми глазами*, что почти забыла об этом. И мне совсем не хочется есть, мне хочется вернуться к себе в номер.

Не сейчас.

Вернуться сейчас означало бы капитулировать. Признать, что состариться в Эс-Суэйре мне не суждено, что привязанность к Доминику – фантом, что привязанность к отелю Доминика – ложь, я просто использовала их – и Доминика, и отель; я пережидала время – именно так. В любом случае – был бы другой город, и другой отель, и другой Доминик.

Они ничего не стоят, ровным счетом ничего.

...Ничего не стоящий Доминик ждет меня на террасе. В окружении песка – он летит с океана, в ореоле прожекторов – их только что включили. Картину дополняют несколько парашютов и несколько воздушных змеев, несмотря на вечер болтающихся в небе. Идиллическая картина сотворения мира по серферу, Доминик здесь нужен так же, как лыжи в пустыне.

– Привет! – Я улыбаюсь Доминику самой ласковой из своих улыбок. Самой ласковой и самой фальшивой.

– Все в порядке? – интересуется Доминик.

– Все отлично.

– Ты встретила их?

– Да.

– Никого не потеряла по пути?

– Нет.

Доминик не просто изучает меня, как проделывал это неоднократно после моих возвращений из аэропорта, он пожирает меня глазами.

– Кто прибыл на этот раз?

– Шестеро и один, – врать Доминику я не в состоянии.

– Шестеро и один – будет семеро. Значит, прибыли семеро?

– Я предпочла бы именно эту формулировку – «шестеро и один».

Ужин, как обычно, приготовлен Наби; Наби живет при отеле гораздо дольше, чем я, и даже дольше, чем сам Доминик. Отец Наби работал у отца Доминика, так же, как дед Наби работал у деда Доминика, в то время, когда отель еще процветал. Теперь хозяйство пришло в упадок, на деньги, которые платит Доминик, семью не прокормить, так что Наби едва сводит концы с концами. Он мог бы уехать к зажиточным родственникам в Мекнес или отправиться в Агадир, туристический центр, где спецам, подобным Наби, всегда нашлась бы работа. Но Наби не делает этого, он привык к отелю и верит в то, что однажды все чудесным образом изменится.

Блюда, которые Наби стряпает из морепродуктов, всегда получаются отменными.

Запеченные креветки, салака на гриле и большое количество пряностей – все возбуждает аппетит, все дразнит обоняние, открытие последних пяти минут: *я проголодалась!*

– Чертовски хочется жрать! – В подтверждение я запускаю пальцы в тарелку с креветками. – М-м... сегодня у креветок замечательный вкус, ты не находишь, Доминик?

Доминик не отвечает. Вернее, отвечает не сразу. В руках Доминика подрагивает тонкий листок «Фигаро» – щит средневекового рыцаря, да и только! Сидя на безопасной террасе в Эс-Суэйре, он защищается им от вызовов Большого Мира, почему никогда раньше мне не приходила в голову такая простая мысль? Почему никогда раньше я не замечала, как печальны глаза Доминика? И этот маленький шрам на подбородке – я тоже не видела его!

– Шрам. Откуда у тебя шрам, Доминик?

– Шрам?

– Вот здесь, на подбородке.

Я перегибаюсь через стол и касаюсь рукой шрама Доминика. Доминик не делает никаких движений, сидит смиренхонько: СТО ПРОТИВ ОДНОГО – для морских пехотинцев из его брюха уже прозвучала команда «отбой».

– Он был всегда, – голос Доминика печален так же, как и его глаза. – Всегда. Просто раньше ты не обращала на него внимания.

– Удивительно!

– Нисколько не удивительно. Кстати, и креветки сегодня самые обычные.

– Разве? – преувеличенно удивляюсь я.

– Точно такими же они были и вчера. И позавчера, и месяц назад.

Я больше не слушаю Доминика. Его лысеющий череп – вот что привлекает меня. Не так уж он некрасив, совсем напротив. Приди Доминику идея побриться наголо – все это могло выглядеть даже привлекательно, это подчеркнуло бы линию лба, и скрасило бы излишнюю округлость щек, и уравнило бы подбородок. Брюху же (скрытому сейчас фиговым газетным листком) не поможет ничто, если, конечно, Доминик срочно не начнет качаться. Или играть в футбол в свете прожекторов.

– ...Ты не слушаешь меня, Саша! – в сердцах бросает Доминик.

– Конечно, слушаю. Еще никогда я не была так внимательна!

Положительно, скинь Доминик килограммов тридцать-сорок, он стал бы настоящим красавцем, колониальной достопримечательностью Эс-Суэйры, а сколько сердец он смог бы разбить! Сколько сердец хрустнуло бы под его пальцами подобно креветочным панцирям, мое сердце – не в счет, мое сердце *уже занято*.

– О чем я говорил, Саша? – Доминик проявляет странную, несвойственную ему настойчивость.

– О чем? Мы рассуждали о креветках. О том, что сегодня они необычайно вкусны.

– Это ты сказала, что они необычайно вкусны.

– Просто тают во рту...

– Это ты... Ты сказала. А я сказал, что они самые обычные. Они – обычные, а ты – нет.

Сегодня ты не такая, как всегда. Что произошло, Саша?

Мне не хотелось бы обсуждать это. Во всяком случае, с Домиником.

– Почему ты не женишься, Доминик? – Этот вопрос я задаю ему впервые. Впервые за три года, проведенных в отеле «*Sous Le Ciel de Paris*».

На Доминика жалко смотреть: нелепый пот струится по нелепым вискам, нелепые пухлые губы подрагивают, нелепый подбородок трясется мелкой дрожью.

– Я хотел... Хотел сделать предложение одной чудесной девушке. Я даже купил кольцо...

– И что? Что ответила тебе чудесная девушка?

– Вот, посмотри!

Серебряная цепочка. С каких пор Доминик носит цепочку? Вопрос «почему раньше я не замечала ее» неуместен. Так же, как неуместна сама цепочка на толстой потной шее Доминика. И я испытываю самое настоящее облегчение, когда он снимает ее. И кладет на ладонь, и протягивает ладонь мне. Очевидно, чтобы я оценила кольцо, запутавшееся в цепочке. Очень мило со стороны Доминика.

– Что ж, чудесное кольцо.

Кольцо и вправду замечательное, может быть – слегка тяжеловатое, слегка помпезное и... *слегка потертое*. Проведшее с Домиником чуть больше времени, чем следовало бы.

– А как зовут девушку? Мерседес?

Мерседес, сладкая, как яблоко, не выходит у меня из головы.

– Мерседес? – удивляется Доминик. – Совсем не Мерседес.

– Тогда почему ты до сих пор не отдал... Чудесное кольцо чудесной девушке?

– Я хотел... Я только ждал подходящего момента.

– И?

– Он так и не наступил. Чудесную девушку увели у меня из-под носа.

– Как жаль.

Мне действительно жаль Доминика. Скинь Доминик килограммов тридцать-сорок, этого никогда бы не произошло.

– Мое сердце разбито, Саша́.

Представить разбитое сердце Доминика не составляет труда, стоит только разобрать завал из досок для серфинга и отогнуть край газетной страницы: там оно и лежит, расколотое на несколько жирных, сочащихся кровью кусков, даже Наби при всем его кулинарном таланте не смог бы сочинить из этого рано состарившегося мяса ничего, кроме банального гуляша.

– Все образуется, Доминик.

– Ничего не образуется.

– Все будет хорошо.

– Я и сам так думал. До сегодняшнего дня.

– А теперь?

– Теперь все кончено.

Доминик швыряет кольцо на тарелку с недоеденными креветками. Возможно, я не слишком хорошо знаю Доминика, но смысл его жеста ясен как божий день: никогда больше он не прикоснется к этому кольцу, никогда больше. Мне остается лишь оплакивать креветки, сунуться к ним сейчас было бы кощунством по отношению к страданиям Доминика.

Придется ограничиться салакой на гриле.

– Мне кажется, ты излишне драматизируешь ситуацию, Доминик. – Реплика, подкрепленная жеванием, со стороны выглядит цинично, но, кто знает, может быть, именно она приводит Доминика в чувство.

– Нисколько.

– Ты хотя бы говорил с ней? О своих намерениях?

– Я ждал...

– Подходящего момента?

– Да.

– Глупый-глупый Доминик! Разве ты не знаешь, что все признания всегда совершаются в самый неподходящий момент? – Я стараюсь развеселить Доминика.

– Правда?

– Конечно, в «Фигаро» об этом не пишут...

– Жаль. – Доминик добросовестно старается подыграть мне. – Мне нужно подписаться на что-нибудь другое?

– Давно пора.

– Я давно хотел сказать, Саша́... Я благодарен тебе.

– За что?

– За все.

Впервые за три года Доминик поднимается из-за стола раньше меня. И уходит, не прощаясь и не поцеловав меня в щеку, как делал это всегда. Я остаюсь в обществе кольца и небрежно брошенной на стул «Фигаро»; кем была девушка, разбившая сердце моего друга? Как печально, что наши отношения ограничивались *осторожной симпатией*, если бы Доминик чуть больше доверял мне, если бы он был со мной откровенен...

Теперь это не имеет никакого значения.

– ...Я могу убирать, мадам Саша́?

Наби. Я и не заметила, как он появился. У Наби подвижное, выразительное лицо карманного воришки: дорого бы я отдала, чтобы посмотреть, как он обносит креветочные карманы, как ловко орудует в жабрах у салаки, как обчищает зажавшиеся пряности.

- Конечно, Наби. И спасибо за ужин. Он был потрясающим.
- Рад, что вам понравилось, мадам.

Наби несколько удивлен, еще никогда я не обращалась к нему с такими признаниями. Но и хватать меня за язык он не станет.

- Кольцо... Это ваше кольцо, мадам?
- Нет.
- Значит, его забыл хозяин.
- Не думаю, Наби.

Лицо Наби искажено непосильной работой мысли. Кольцо, лежащее на тарелке, стоит немалых денег: такого Наби не купить, но... *Он может его продать*, и это было бы самым лучшим выходом из создавшегося положения. И чудесная девушка, так жестоко обошедшаяся с Домиником, оказалась бы посрамленной. Заочно.

- Я все же поинтересуюсь у хозяина.
- Не стоит, Наби. Ты можешь взять его себе.
- ...Рональдо и Рональдиньо.

Я видела их сотни раз, пора бы перестать обращать на них внимание. Но именно сегодня они особенно прекрасны в своих футболках по полтора доллара за штуку, именно сегодня их удары точны, а движения – полны скрытой грации, любой из них с ходу мог бы подписать контракт на несколько миллионов долларов.

- Почему я не владею футбольным клубом?
- Почему?

И почему вот уже битый час я стою на балконе, вцепившись руками в поручень?

По той же причине, почему и Эс-Суэйра уже не кажется мне конечным пунктом назначения. У меня еще будет время разобраться в этом, хотя ответ лежит на поверхности – я больше не несчастна.

И еще никогда мир не представал передо мной в таких ярких, таких волнующих красках, еще никогда он не казался таким объемным. Возможно, я ошибаюсь и подобное случилось со мной – нет, не так: **подобное уже случилось со мной однажды.**

У меня еще будет время разобраться в этом, весы покачиваются, звенят чашками, на одну готова упасть *l'amour*, на другую – *le merde*, но сейчас я свободна и от одного и от другого, а десятки Рональдо и десятки Рональдиньо и вправду хороши. Где-то внутри меня, там, где до сегодняшнего вечера располагалась помойка из самых неприглядных воспоминаний («**Осторожно! Радиация!**»), играет одинокий саксофонист, и мотив хорошо узнаваем, что-то вроде «UNFORGETTABLE» Ната Кинг Коула. Обстоятельства, при которых я услышала его впервые, не так уж важны.

– ...Вы любите футбол? – Вот он и потревожил сопение океана. Голос того, кого я жду битый час – вцепившись руками в поручень.

- Нет.

На кого я похожа с точки зрения фанерной перегородки? Спутанные от ветра волосы, лицо, едва ли не занесенное песком, невнятный профиль (анфас был бы намного выигрышнее), невыразительный голосишко обслуги с ресепшена; теперь я, как никто, понимаю отвергнутого беднягу Доминика.

- Не думал увидеть вас здесь.
- Я тоже не думала увидеть себя здесь. – Не слишком ли провокационно это прозвучало? Плевать.
- Вы не зарегистрировались.
- Это не моя вина, – тут же уличает меня **vip**-персона.
- Да, конечно. Но формальности можно отложить до утра.
- Отлично. Значит, сегодня мы...

Vip-персона делает многозначительную паузу, и у меня нет никаких сил дождаться ее окончания.

– Мы – что?..

– Общаемся неформально.

Кто только не клеил меня за последние три года, иногда – такими экстравагантными способами, что выражение «общаемся неформально» выглядит откровенной насмешкой. Почему я знаю, может, это и есть насмешка. Скорее всего.

– Меня зовут Алекс. Алекс Гринблат.

АЛЕКС ГРИНБЛАТ. Имя, принадлежащее знаменитому галеристу и теоретику современного искусства, я лично отправила Алексу Гринблату два месяца назад. Какова вероятность того, что знаменитый галерист, презрев свои нью-йоркско-парижско-лондонские дела и сделав ручкой яйцеголовым снобам, появится в заштатной Эс-Суэйре?

Никакова.

Какова вероятность того, что человек, стоящий за фанерной перегородкой, – полный тезка знаменитого галериста и сам является снобом?

Три, максимум – пять процентов. Уже кое-что.

– Не думала увидеть вас здесь.

Я возвращаю Алексу Гринблату фразу, сказанную им самим: отскочив от зеркала моего рта, она упирается в лицо Алекса Гринבלата солнечным зайчиком. Алекс Гринблат морщится от света:

– Я тоже не думал увидеть себя здесь.

– Спонтанное решение отдохнуть на побережье?

– Не совсем. – Алекс Гринблат пристально смотрит на меня. – У вас странный акцент.

– Вы не первый, кто пытается определить мою национальную принадлежность. И еще никому это не удавалось.

– Никому?

– Все попадали пальцем в небо.

– Вы – русская. И думать нечего.

Он угадал. Не потратив на процесс узнавания и минуты, он угадал. Все это время мне страшно хотелось приблизиться к Алексу Гринблату, сделать хотя бы шаг в сторону фанерной перегородки, *один безнаказанный шаг*. Вот и повод.

Сейчас или никогда.

– Вы русская. Я прав?

– Да. – Я делаю его, *один безнаказанный шаг*.

– Вы русская. И вас зовут Саша.

«Саша» в исполнении Алекса Гринблата тоже звучит вполне по-русски, путаницы с ударениями нет и в помине. Но, произнесенное верно, оно вызывает во мне глухой протест.

– Я предпочла, чтобы вы называли меня так же, как и все остальные. *Саша*.

– Пытаетесь прожить чужую жизнь? – **Vip**-персона, Спаситель мира Алекс Гринблат улыбается обезоруживающей улыбкой серийного убийцы. Еще мгновение – и он стянет мне горло струной от карниза.

– Просто пытаюсь выжить.

Сказанное мной не производит на Алекса Гринблата никакого впечатления, я же моментально оказываюсь в одной лодке со студентиком Мишелем, сочинившим трагическую историю, чтобы казаться значительнее в глазах окружающих. Та еще картина: русская дуреха на веслах, Мишель – загребной, оба – в одинаково пафосных матросках и парусиновых туфлях, в них-то и подкладывают трагические истории. Два-три сантиметра роста такие истории прибавляют, но выиграть регату... Выиграть регату нам не светит. Все регаты, как правило, выигрывает Алекс Гринблат, и спутники Алекса Гринблата, и спутницы Алекса Гринблата, есть же

у него спутницы, черт возьми!.. Спутницы, ха-ха. Любовницы, так было бы точнее. И не какие-нибудь безмозглые фотомодели (за последние несколько часов образ Алекса Гринблата подвергся значительной корректировке), совсем нет. Холеные дамочки со стервинкой и вечнозеленым загаром, подцепленным в вертикальном солярии: они арендуют пентхаусы, драгоценности и платья от Dolce/Gabbana, ведут колонки в life-style журналах и всегда расплачиваются за себя в кабаках. И на вопрос «Пытаетесь прожить чужую жизнь?» они, несомненно, нашли бы другой ответ. Гораздо более оригинальный.

– Это шутка. – Я горю желанием избавиться от пафосной матроски и парусиновых туфель неудачницы. – Насчет выжить.

– Я так и понял. Так что вы делаете в Эс-Суэйре, Саша Вяземски?

Он знает не только мое имя, но и фамилию, ого! Потрясающая осведомленность, хотя «Вяземски» звучит не слишком безупречно, в полузабытом подлиннике все было органичнее: Саша Вяземская.

– Вы даже знаете, как меня зовут?

– Конечно. Ведь это вы написали мне письмо.

Алекс Гринблат, знаменитый галерист и теоретик современного искусства, поджарый, сильно загорелый мужчина лет тридцати пяти. Точно такой, каким я рисовала его в послепопуденных грезах у досок Доминика. *И чертовски красивые глаза!*..

– Значит, вы и есть Алекс Гринблат. Тот самый...

– Тот самый.

– И вы приехали сюда из-за моего письма?

– Из-за фотографий, приложенных к письму. Но и из-за самого письма тоже.

– Оно вас заинтриговало? – позволяю я себе маленькую вольность.

– Я нашел в нем пять орфографических ошибок, – тут же ставит меня на место Алекс Гринблат. – И три стилистических. И еще три – на согласование времен.

– Французский – не мой родной язык. И я никогда не писала писем на французском. – Зачем я оправдываюсь? Кому нужен этот школьный скулеж?

– А почему вы не послали его электронной почтой? Здесь нет Интернета?

– Здесь есть Интернет.

– Тогда почему?

В прозрачной, ничем не замутненной воде явно просматриваются подводные камни, моя задача – не налететь на них (я все еще сижу на веслах, пусть и без матроски, и без смытого волной студентика Мишеля); моя задача – не налететь на эти чертовы камни!

– Почему? Мне показалось, что письмо, напечатанное на машинке, вызовет больший интерес. Его нельзя будет стереть, от него нельзя будет отмахнуться.

– Чутье? – Алекс Гринблат пощипывает подбородок.

– Можно сказать и так.

– Вы поступили правильно, Саша.

Ура! От подводных камней не осталось и воспоминаний, передо мной расстилается водная гладь, и где-то впереди маячит спина везунчика Алекса Гринблата. Расстояние между нами сокращается, и – кто знает! – может быть, оно сократится до минимума. И исчезнет совсем.

– Хотите посмотреть доски, Алекс?

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

Я полна энтузиазма, я даже готова потревожить Доминика, и я почти уверена: Алекс Гринблат непременно даст согласие, не для того он совершил столь стремительный бросок в Эс-Суэйру, чтобы остановиться в двух шагах от цели.

– Боюсь, это не слишком хорошая идея.

– Ну да. Не слишком.

Алекс Гринблат устал. Стремительный бросок в Эс-Суэйру еще нужно пережить, учитывая, как я продинамила Алекса в самом начале, закрыв автобусные дверцы у него перед носом. Плюс дорога по утомительному горному серпантину: она изматывает и меня, давно к ней привыкшую, что уж говорить об Алексе Гринблате, столкнувшемся с ней впервые!..

– Вы устали. Понимаю.

– Причина не в этом, Саша.

– В чем тогда?

– Прежде чем я увижу их, мне бы хотелось, чтобы вы о них рассказали. О них и об авторе.

– Я ведь не эксперт. И я даже не знаю, с чего начать...

Мне не совсем понятно, куда клонит Алекс Гринблат. И зачем ему мои рассказы о том, что и так говорит само за себя. Рыбный рынок. Водостойкие мечты о Марракеше, Касабланке, Рабате. Женщины, вещи, чувства...

– Начните с автора. Кто он?

– Хозяин гостиницы.

Черт возьми, я несправедлива к Доминику, из всех возможных определений я выбрала самое неудачное; «трусиска Доминик» выглядело бы не в пример человечнее, «громила сержант Доминик» выглядело бы не в пример мужественнее; «Доминик, сделавший предложение запеченным креветкам» могло хотя бы вызвать улыбку. Но нет – «хозяин гостиницы», что может быть унылее? Прости меня, Доминик!

– Ваш хозяин, ага.

– Не совсем так.

– Разве вы не работаете на него?

– Я работаю с ним, но мы, скорее...

– Любовники.

Алекс Гринблат не спрашивает и не утверждает, скорее – *уточняет*. Ничего, кроме интереса, смахивающего на производственный. В своей прошлой жизни в России я уже сталкивалась с чем-то подобным. Вспомнить бы только: когда и где.

– Нет, мы не любовники. И никогда не были любовниками. И вряд ли станем любовниками. Мы друзья.

Брови Алекса ползут вверх, ощущение такое, что он вообще впервые слышит это слово – «друзья». Не в контексте «*Un Homme Et Une Femme*»⁵ и не в контексте американской мыльной оперы; слово «друзья» напрочь отсутствует в лексиконе Спасителя мира Алекса Гринблата, не в этом ли причина возникновения большинства торнадо и скоростного таяния антарктических льдов?..

– Мы друзья, но это не имеет никакого значения, Алекс. Доминик талантлив, чертовски талантлив. Вы и сами знаете это.

– Пока еще нет.

– Но вы ведь приехали сюда!

– Ваше письмо показалось мне убедительным. Ваше письмо меня покорило.

Один безнаказанный шаг. Он давно уже сделан. Второй и третий, следовавшие за первым, несущественны. Совершив несколько движений, больше похожих на ритуальный танец, я устраиваюсь прямо на перилах, в опасной близости от Алекса Гринблата. Стоит протянуть руку – и я смогу коснуться его плеча. «Ваше письмо меня покорило» можно считать опосредованным комплиментом, признаком заинтересованности, но что-то мешает мне думать, что дело обстоит именно так. Наскоро прополоскав рот аперитивом «Доминик», мы переходим к главному блюду – *доски Доминика*.

⁵ Мужчина и женщина (фр.).

В этой теме гораздо больше пространства для маневра. В этой теме я чувствую себя как рыба в воде. Доминик прекрасно осведомлен о вещах, к которым не имеет никакого отношения, никто не смешивает краски с таким вдохновением и с такой дерзостью, как Доминик; никто не в состоянии лучше, чем Доминик, переплавить мечты в реальность и заставить поверить, что эта реальность – единственная из всех возможных. Доминик – это целый континент, целая страна, в ней найдется место и для Марракеша, и для Касабланки, и для Рабата; *благословенная Франция* тоже не будет забыта. Женщинам в этой стране не нужны паспорта, им не нужны возлюбленные, даже в именах они не нуждаются...

Я и не думала, что могу быть столь красноречива.

И Алекс.

Алекс Гринблат поощряет мое красноречие, незаметно направляет его в нужное русло. Вопросы Алекса точны и изобретательны, мне остается лишь отвечать на них – так же точно и изобретательно. Игра в вопросы и ответы настолько увлекает меня, что я испытываю чувство острого сожаления, когда она заканчивается.

– Я не могу понять только одного, Саша.

– Чего?

– Почему вы до сих пор не любовники, – ставит финальную точку Алекс.

Действительно, почему? Я ловлю себя на том, что удивлена этим обстоятельством не меньше Алекса. Как можно было не увлечься Домиником, смешивающим краски с таким вдохновением и с такой дерзостью, как можно было так долго простоять у границы прекрасной страны и не решиться перейти ее? Как можно было допустить, чтобы кольцо, минуя посредников в лице запеченных креветок, досталось заштатному повару Наби?..

– У него слишком толстое брюхо, – глупо хихикая, произношу я.

Прости меня, Доминик!

– Это меняет дело.

Взгляд Алекса Гринבלата проясняется, теперь в нем появилась особая кристальность. Я больше не думаю о том, что у него *чертовски красивые глаза*, а предположение насчет египетской кошки или кошки породы камышовый пойнт и вовсе оказалось неверным. Фотообъектив, шикарная цейсовская оптика! – вот что приходит на ум, того и гляди раздастся щелчок затвора. Алекс Гринблат – умная машинка, роскошная вещица, позволить ее себе может далеко не каждый.

Я – точно не могу.

– Вы разочарованы?

Алекс медлит с ответом. Легкое запаздывание – как раз в духе режимной съемки, я сфотографирована сразу с нескольких точек, но не факт, что ракурс оказался удачным, и совсем уж не факт, что пленка будет когда-либо проявлена.

– Не разочарован. Нет. Все именно так, как я и предполагал. И вы точно такая же, какой я ожидал вас увидеть.

Выходит, не я одна развлекала себя мыслями о гипотетической встрече!

– И вы такой же, Алекс. Или почти такой.

– И поэтому вы захлопнули дверцы у меня перед носом?

– Отчасти.

Щелчок затвора. Еще щелчок. Еще один. Алекс проводит рукой по лицу (очевидно, это жест должен означать смену объектива).

– Откуда вы узнали обо мне, Саша?

Станный вопрос для *vip*-персоны, для Спасителя мира. До этой минуты я была полностью убеждена, что подобных вопросов в арсенале Алекса Гринבלата не должно возникать в принципе. Откуда все мы узнаем о существовании Иисуса? Телевидения? Кока-колы? Точная

дата узнавания вечных ценностей не определена. А Иисус, телевидение, кока-кола – и теперь вот Алекс Гринблат – и есть вечные ценности.

– Прочла в журнале.

– Вы интересуетесь современным искусством?

Современное искусство – вот уж нет!..

– Я совсем не интересуюсь современным искусством. Это был просто журнал. Далекий от проблем современного искусства. Но и там вы умудрились засветиться.

Даже если бы я сказала, что у него шикарный член, даже если бы я выразилась в том смысле, что он роскошный любовник, – даже это не стало бы причиной столь самодовольной мины на лице Алекса. Алекс Гринблат полностью удовлетворен, он любит себя, он торжествует.

– Обычно так и получается, Саша. Я умудряюсь светиться в самых непредсказуемых местах.

– Например, здесь, в Эс-Суэйре.

– Например, здесь, – охотно соглашается Алекс.

Алекс Гринблат и крошечная, прилепившаяся к океану Эс-Суэйра, – диво так диво! Фейерверки, иллюминация, шествие верблюдов и джигитовка с пальбой – вот что должно было сопровождать его прибытие, а никак не захлопнувшиеся перед носом дверцы автобуса.

– Я понимаю. Алекс Гринблат – богатый и знаменитый... Вы ведь богатый и знаменитый?

– Это нескромный вопрос, Саша.

– Почему? – искренне удивляюсь я. – Это просто вопрос.

– Без дальнего умысла? – Алекс Гринблат шурит *чертовски красивые глаза*.

– Без.

Щелчок затвора. Еще щелчок. Еще один. Когда пленка будет проявлена (если она вообще когда-нибудь будет проявлена), я могу оказаться запечатленной не только в образе девахи в матроске и парусиновых туфлях, но и в образе типичной охотницы за капиталами: с арбалетом на плече, с патронташем на бедрах, с силком в наманикюренных пальцах. Пустое, Алекс Гринблат! Стрелять из арбалета я не умею, и бедра мои совсем не безупречны, что же касается маникюра – я не делала его со времен побега в Эс-Суэйру.

– Я вам верю, Саша. И я скажу вам больше: вы не похожи на тех русских женщин, с которыми я был знаком до сегодняшнего дня.

На чем зиждется такая уверенность Алекса, мне не совсем понятно.

– А вы были знакомы с русскими женщинами, Алекс?

– С несколькими. И все они начинали именно с этого вопроса...

– Про богатых и знаменитых?

– Да. И все они меня разочаровали.

По ходу пьесы мне не мешало бы вступить за честь и достоинство неведомых мне соотечественниц, но... Я так давно живу вдали от Родины, что почти не чувствую себя русской. Как не чувствую себя ни французенкой, ни марокканкой; при известных обстоятельствах я могла почувствовать себя доской для серфинга, или доской для разделки рыбы, или нитью, на которые Ясин нанизывает свои бесконечные бусины, или ключом от любого из двадцати семи номеров отеля – но и этого до сих пор не произошло. Мне стоило бы подвергнуть Алекса Гринבלата обструкции – по ходу пьесы. Кто ты, собственно, такой, чтобы через губу бросать: «все они меня разочаровали». *Хрен моржовый*, как сказали бы мои питерские друзья. При встрече я бы вряд ли их узнала, что не умаляет точности и широты выражения *моржовый хрен*.

– Они тоже писали вам письма?

– Если и писали, то уже после того, как я указывал им на дверь. Эти письма я не читал.

– Мне повезло.

– Вы еще не представляете, насколько сильно вам повезло.

Лицо Алекса Гринблата парит в нескольких сантиметрах от моего собственного лица. Внезапно побледневшее, оно кажется мне лотерейным билетом с водяными знаками глаз, водяными знаками рта, подбородок тоже не забыт. Лотерейный билет, он нашептывает своему счастливому обладателю: ты выиграл, выиграл, ты сорвал джек-пот, дружок! – осталось только выяснить, какую сумму сдерут в качестве налога, и уже потом радоваться.

Если будет, чему радоваться.

– ...Вы еще не представляете, Саша.

– Так просветите меня, Алекс.

– Не сейчас.

– А когда?

– Что вы делаете завтра?

– То же, что и всегда. У меня полно дел в отеле.

– А если я умыкну вас... Скажем, с утра? Мы могли бы позавтракать вместе... Это не слишком нарушит ваш распорядок?

– Не слишком.

– Значит, мы договорились? Часов в десять. Вас устроит?

– Вполне.

– Отлично. В десять на ресепшене. А теперь разрешите откланяться.

Прежде чем я успеваю сказать что-либо, Алекс Гринблат исчезает. Не отходит от балконных перил, не скрывается за дверь, а именно исчезает. Никогда прежде я не участвовала в лотереях, но и без того знаю, что цена всем этим страстям – полный ноль. Зеро. Даже Алекс Гринблат не убедит меня в обратном. Знаменитый галерист и теоретик современного искусства. **Vir**-персона и Спаситель мира.

Хрен моржовый.

* * *

...Мне не хотелось бы столкнуться с Домиником.

Пусть будет кто угодно, включая Жюля и его приятеля Джима. Студентика Мишеля я тоже могла бы пережить, и любителя картонных мотелей и зачахших кадиллаков Фрэнки; пусть будет кто угодно, но только не Доминик.

Я твержу это как молитву, спускаясь к стойке, хотя никаких предпосылок к тому, чтобы Доминик отирался в это время на ресепшене, нет. По утрам Доминик возится со своими досками и для всего остального мира его не существует, по крайней мере до полудня. Ровно в двенадцать он появляется в вестибюле – опустошенный и размягченный одновременно. Этой размягченностью все и пользуются, иногда интуитивно: еще ни один постоялец не освободил номер в полдень, как предписывают правила отеля, и еще ни один постоялец не доплатил за пребывание в номере сверх положенного срока.

Когда-нибудь мы точно прогорим.

До встречи с Алексом Гринблатом остается пятнадцать минут.

Я убиваю их, стоя перед зеркалом, на площадке между первым и вторым этажами; стойка портье отсюда не просматривается, да и сама зеркальная поверхность почти ничего не отражает. Увидеть на ней хоть что-то весьма проблематично, за зеркалом уже давно никто не следит. То же можно сказать о двух обтянутых пыльной кожей светильниках и о запертом на висячий замок шкафе с такими же пыльными стеклянными дверцами.

«Галерея забытых вещей» —

называет шкаф Доминик. На пяти полках выставлены предметы, которые в разное время – нарочно или случайно – были оставлены в номерах. Забыты. Забыты навсегда, пожертвованы отелю – кому придет в голову возвращаться за заколкой для волос, карманным изданием

трехлетней давности бестселлера или безопасной бритвой? Впрочем, встречаются экспонаты и позанятнее:

- бритва *опасная*, с ручкой из слоновой кости и монограммой «*P.R.C.*», рисунок полустерт, но еще можно различить контуры корабля, терпящего крушение;
- крохотная, размером с ладонь, музыкальная шкатулка, я давно не слышала ее голоса, но знаю, что она играет избитый джазовый мотивчик;
- статуэтка Будды;
- кожаный напульсник с интригующей надписью «*Someday my princess will come*»⁶;
- медальон с тремя дешевыми камнями (один уже выпал), я давно не открывала его, но знаю, что внутри спрятан клочок волос, романтический *локон*;
- ремень из потрескавшейся кожи, Доминик утверждает, что это – кожа буйвола;
- статуэтка Мэрилин Монро.

Я не вижу в зеркале ни Будды, ни Мэрилин, себя я не вижу тоже. Но легко могу представить, *какая я*: волосы не короткие и не длинные, не темные и не светлые, что-то среднее. «Что-то среднее» – именно эти слова определяют мою нынешнюю ипостась. Хотя почему – нынешнюю? Я всегда была такой, мое лицо – лишь вариация на тему других лиц, *шляпная болванка*; дорогая помада не делает мои губы выразительнее, дешевая их не портит, интересно, с какого перепугу серферы приглашают меня на ужин? На протяжении трех лет – с завидным постоянством.

А теперь я получила приглашение еще и на завтрак. Если у кого-то и есть дальний умысел, то не у меня – у Алекса Гринблата. Он никак не связан с моей внешностью и с тем, что каким-то чудом я вдруг сразила *vip*-персону наповал. Ха-ха. Хотя я и обладаю изрядной долей воображения, но представить, что Алекс увлекся мной как женщиной, не в состоянии и оно.

Дальний умысел – совсем в другом.

В зеркале его не разглядеть.

– ...Интересная вещица!

Алекс Гринблат, я узнала его по голосу, утренний ничем не отличается от вечернего – такой же надменный. Зеркало не реагирует на появление за моей спиной Алекса Гринблата, на мое в нем появление оно отозвалось так же, или почти так же; все мы – жалкая кучка вампиров, пожирающих друг друга, такой символикой нынче никого не удивишь. Даже в Эс-Суэйре.

– Доброе утро, Алекс.

– Доброе, Саша.

– Ваши планы не изменились? – осторожно спрашиваю я. – Насчет совместного завтрака?

– Напротив. В них добавилось несколько пунктов... Интересная вещица.

– О чем вы?

– Бритва. Я говорю о бритве.

Мне вспоминается вчерашняя улыбка Алекса – улыбка серийного убийцы. Ничего удивительного в том, что он заинтересовался именно бритвой.

– Ее забыл кто-то из гостей года полтора назад. Кажется, она была оставлена в седьмом номере...

Теперь этот номер занимает живчик Фрэнки.

– И за ней не вернулись?

– Нет.

– Странно. Такая вещь дорогого стоит, – говорит Алекс со знанием дела.

– Не думаю, что она стоила так уж дорого.

Даже в Эс-Суэйре. В ней полно антикварных лавчонок (лавчонок, где торгуют туристической дребеденью, на порядок больше, но и антикварные имеются). Старинные берберские

⁶ «Однажды придет моя принцесса» (англ.).

ружья, старинные ножи, опиумные трубки – все это можно приобрести за вшивых сто долларов, что уж говорить о бритве! Да еще с потрескавшейся ручкой, да еще с зазубринами на лезвии. Три скола – я хорошо их помню, я сама помещала бритву на полку. Затеяливая монограмма «P.R.C.» добавит к общей сумме еще доллара три. Или пять – при самом лучезарном раскладе.

– Я ведь не сказал, что она стоит дорого, – поправляет меня Алекс. – Я сказал – *она дорогого стоит*. Вы ощущаете разницу, Саша?

Судя по колебаниям на поверхности зеркала, Алексу просто необходимо, чтобы я ответила правильно. Иначе он разочаруется во мне – я чувствую это лопатками.

– Конечно, Алекс.

– Хотелось бы взглянуть на нее поближе.

– На бритву?

– Да.

Пустяковая просьба, чтобы исполнить ее, мне не потребуются никаких усилий: ключ от шкафчика висит у меня на связке. Второй такой же находится у Доминика. Я вынимаю бритву и протягиваю ее Алексу, на лице которого сразу же появляется скупающее выражение.

– Я ошибся, – просто говорит он.

– Ошиблись?

– Увы. Это дешевая поделка.

– Вы же сами сказали – вещь дорогого стоит.

– За стеклом она выглядела иначе.

Он так и не взял чертову бритву в руки, я стою с ней, как последняя дура. Которая (вместе с таким же недоделанным придурком Домиником) занимается коллекционированием ничего не стоящих предметов. Хорошо еще, что я не вякнула в раже – *эта бритва гордость нашей коллекции*. Хорошо еще, что я не предложила ее Алексу в подарок.

А могла бы.

Досадуя на себя, я засовываю разом потускневшую бритву обратно в шкаф, хотя с большим удовольствием отправила бы ее в мусорное ведро. Все из-за Алекса, из-за его магнетической способности влиять на вещи и людей, обращать их в свою веру, заставлять видеть то, что видят они. И только.

– Куда мы пойдем завтракать?

Я еще успеваю обернуться к Алексу, но не успеваю ответить на его вопрос. Вместо меня отвечает Фрэнки, он появился на площадке и, должно быть, слышал последнюю реплику Алекса. Ничего удивительного, седьмой номер, который занимает Фрэнки, находится совсем неподалеку.

– «Ла Скала». Я бы рекомендовал вам «Ла Скала». Симпатичный ресторанчик, и кухня неплохая. Не знаю, что вам предложат поутру, но вечером я остался доволен.

Фрэнки облачен в водонепроницаемый костюм, черный, с фиолетовым отливом; на плечах у Фрэнки покоится доска для серфинга (где он успел ее раздобыть – неизвестно). Волосы Фрэнки обильно смочены гелем и зачесаны назад. Узкие очки на лбу и широкие квадратные часы на запястье завершают картину.

У Фрэнки отличная фигура.

Фрэнки подмигивает нам обоим:

«а ты не теряешь времени зря, старичок» – Алексу;

«а ты совсем не такая недотрога, какой казалась на первый взгляд» – мне, подобные скабрёзности я ненавижу, а произнесенные – ненавижу вдвойне.

– Ваш знакомый? – спрашивает Алекс, когда водонепроницаемая задница Фрэнки скрывается в недрах вестибюля.

– Вижу его во второй раз в жизни.

– А это заведение? «Ла Скала», кажется?..

- Никогда в нем не была. Но знаю, что оно существует.
- Тогда не будем тратить время на поиски чего-то другого.
- ... Мне не хотелось бы столкнуться с Домиником.

Его не должно быть у стойки, и все же первое, что я вижу, спустившись, – унылая бейсболка Доминика. Доминик отирается на ресепшене, черт бы его подрал! И – черт бы подрал меня! – я чувствую себя четырнадцатилетней школьницей, в джинсах которой мама обнаружила пачку презервативов. Мне не нравится быть застигнутой врасплох!..

– Вы подождете меня на улице? Пять минут, – шепчу я Алексу, прежде чем направиться к стойке с восседающей за ней мамой-Домиником.

– Конечно.

Доминик встречает меня улыбкой, еще более унылой, чем его бейсболка.

– Здравствуй, дорогой мой... – Что это со мной, никогда прежде я не называла Доминика «дорогим».

– Здравствуй, Саша.

– Почему ты здесь?

– Фатима неважно себя чувствует...

Фатима, жена Наби, сидит на ресепшене по утрам.

– ... вот я и решил подменить ее.

– Ты мог бы сказать мне, Доминик.

– Думаю, сегодня утром у тебя нашлись дела поважнее. – Доминик смотрит вслед удаляющемуся Алексу, смотрит с откровенной неприязнью.

– Не говори глупостей.

– Это и есть он? *Один?*

– Не понимаю, о чем ты...

– Вчера ты сказала мне: приехали шестеро и один. Это и есть – *один?*

– Не будь занудой, Доминик!..

В любое другое время я бы рассмеялась и надвинула козырек бейсболки Доминику на глаза, но сейчас... Сейчас я не нашла ничего лучшего, кроме дурацкой, несправедливой, *застигнутой врасплох*, фразы.

– Решила показать ему город? – не унимается Доминик.

– Решила позавтракать.

– Ты всегда завтракаешь в отеле...

– И ужинаю тоже. Но наступает время, когда хочется что-то изменить в привычном течении жизни. Ты против?

– Я знал, что рано или поздно это произойдет. – Щеки Доминика обвисли, нос вытянулся, хорошо еще, что я не вижу брюха. – Я знал, что рано или поздно ты скажешь мне это...

– Насчет завтрака? – На фоне обвислых щек и скорбящего носа моя шутка смотрится нелепо.

– Насчет того, что тебе хочется что-то изменить в привычном течении жизни. Время пришло, да?

Спасительный козырек бейсболки совсем близко. И я наконец-то надвигаю его Доминику на глаза.

– Дурачок!..

– Останься со мной, Саша.

– Я ведь и так с тобой.

– Возможно, я неправильно выразился. – Доминик и не собирается поправлять козырек. – Останься со мной – это означает останься со мной навсегда. Будь моей женой, Саша.

Я не ослышалась, и он сказал «будь моей женой»?

Я ослышалась.

Три года, проведенные в полной безмятежности рядом с Домиником; три года никак нельзя считать трамплином к такого рода признаниям, «будь мой женой», надо же, кто бы мог подумать, что Доминик способен на подлость, иначе чем подлостью «будь моей женой» не назовешь!..

– Я давно должен был сказать тебе, Саша. И кольцо...

– Кольцо, – осеняет меня. – Значит, ты купил его...

– Для тебя. Ни для кого другого.

– Очень мило, – разговаривать с козырьком бейсболки легче легкого. – Но я не ношу колец. Ты же знаешь, Доминик.

– Черт с ним, с кольцом. Пусть ты их не носишь, но ответь – ты будешь моей женой?

– Прямо сейчас? – «Нет» требует гораздо большего времени, чем «да». И выносливости, и ловкости, и спортивной подготовки, и бдений на гребне волны. В обнимку с доской для серфинга. На такие подвиги я не способна.

– Прямо сейчас. – Доминик решительно закусывает толстую верхнюю губу толстой нижней.

– Боюсь, сейчас не самый подходящий момент...

– Но ты же сама сказала мне... Для таких вещей не бывает подходящих моментов...

– И ты не придумал ничего лучшего, чем поймать меня у стойки. В то время как я...

– В то время как ты решила позавтракать с каким-то хлыщом. Отвратный тип. Похож на крысу, неужели ты не видишь этого, Саша?

Алекс Гринблат похож на крысу не больше, чем сам Доминик похож на древнегреческую амфору, или на инструктора по фитнесу, или на душку Тома Круза, или на Марлона Брандо, каким симпатяжкой он был, восседая на мотоцикле в середине пятидесятых. Сейчас вряд ли кто помнит, что Марлон Брандо был симпатяжкой.

Я – помню.

– Этот, как ты говоришь, отвратный тип... приехал сюда из-за тебя. Из-за твоих досок. Они понравились ему, и он хочет их купить.

Не слишком ли я погорячилась насчет оптовых закупок творений Доминика? Плевать.

– Интересно, как он о них пронюхал?

– Я. Я ему об этом рассказала.

– Когда же ты успела?

Пересказывать историю с письмом двухмесячной давности у меня нет ни сил, ни желания, пусть Доминик думает что хочет. Пусть интерпретирует эту историю в тонах и красках, которые выберет сам. В конце концов, кто из нас художник?

– Успела. Я спешу, Доминик.

– Я вижу. – Ничего он не видит из-за козырька, ну да бог с тобой, Доминик.

– Он хочет взглянуть на твои доски. И было бы замечательно, если бы ты их подготовил.

– Все?

В словах Доминика проскальзывает заинтересованность, очень хорошо, общими усилиями мы отодвинули черту, за которой гарцуют «нет» и «да», за которой легко оказаться укушенной змеей, свернувшейся в обручальное кольцо; за которой формируются экспедиции по поиску древнегреческих амфор и происходит набор лабораторных крыс.

– Все. Все до единой, Доминик.

Доминик молчит.

– Ты можешь стать знаменитым, милый.

– А если ты не пойдешь с ним завтракать, я не стану знаменитым?

– Я пойду с ним завтракать.

Пять минут давно истекли, и мне не хочется, чтобы Алекс Гринблат томился в ожидании. Я оставляю Доминика на ресепшене, чтобы ровно через секунду забыть о нем. Алекс стоит

у входа, прислонившись спиной к стволу давно высохшей пальмы (Доминик так и не смог выкроить денег на садовника) и скрестив руки на груди.

– Все в порядке? – интересуется Алекс, когда я подхожу к нему.

– В полном.

– Это и есть ваш толстый гений?

– Это и есть.

– Боюсь, с ним будут проблемы.

– С ним не будет проблем, – заверяю я Алекса, может быть – слишком поспешно, слишком пылко. – Я все улажу.

– Вы здесь ни при чем, Саша.

Наверное, это входит в краткий курс по подготовке Спасителей мира: умение метать слова, как ножи. Метать из любого положения, они ложатся в яблочко, и движущаяся цель поражена. Цель в данном случае я; поправка на обстоятельства – я стою неподвижно. Это существенно облегчает задачу. Мне лишь остается истекать кровью и думать об унижительном значении фразы: «Вы здесь ни при чем, Саша». Ни при чем. И от меня не зависит ровным счетом ничего. И мне самое время напомнить, что Алекс Гринблат – абсолютная ценность, для отношений с миром ему не нужны ни посредники, ни адвокаты, ни страховые агенты, ни медсестры широкого профиля.

– Я ему не понравился, – говорит Алекс, отлепляясь от пальмового ствола. – Активно не понравился.

Мне требуется мгновение, чтобы влезть в бейсболку Доминика и ощутить к Алексу Гринблату такую же животную ненависть.

– Думаю, это не имеет для вас принципиального значения. Ведь так?

– Вы умница, Саша. Схватываете все на лету. Идемте завтракать.

... «Ла Скала» находится в двух кварталах от отеля Доминика. Я прохожу мимо нее всякий раз, когда мне приходит в голову мысль навестить рыбацью лодку Ясина. Или когда мне приходит в голову мысль прогуляться по ночной Эс-Суэйре. Фасад «Ла Скалы» – точная копия фасадов других домов на улице: белый, наспех обработанный камень с синими вкраплениями ставен и дверных проемов. Эс-Суэйра вообще – бело-синий город, в отличие от терракотового Марракеша, в отличие от совсем уж разноцветной, застекленной Касабланки, влияние некогда могущественных стран Средиземноморья ощущается в нем до сих пор. А есть еще сердцевина Старого города, а есть еще построенные португальцами форты с узкими бойницами – место выпаса немногочисленных туристов, я никогда не унижусь до показа *достопримечательностей*. Тем более что Алекс Гринблат в этом не нуждается. Позавтракать вместе – совсем другое дело.

– Мы не пропустим заведение? – волнуется Алекс, разглядывая совершенно одинаковые дома.

– Нет. Мы почти пришли.

– И как только вы не путаетесь?

– Не обращайте внимания на оболочку, Алекс. Начинка здесь всегда разная.

– Очень философски, Саша.

– Очень по-арабски, Алекс. Важно то, что внутри.

– Вы действительно так думаете?

– Действительно. Вам этого не понять. Вы ведь теоретик *современного* искусства.

Алекс раздвигает губы в улыбке, и это выглядит почти непристойно, как если бы – здесь и сейчас – раздвинула бы ноги портовая шлюха. Оказывается, и губы Алекса Гринבלата иногда можно застать за малопочтенным занятием.

– Вы так ненавидите современное искусство, Саша?

– Я думаю, его не существует.

Не только Алекс Гринблат в состоянии метать ножи точно в яблочко. Время от времени это удается и простым смертным типа меня. Девицы, заостреннейшей на ресепшене третьеразрядного отеля в третьеразрядном городе не самой популярной страны. Алекс так безмерно удивлен этим фактом, что останавливается прямо у скромной, затерявшейся в складках стены таблички

LA SCALA
Cuisine méditerranéenne⁷

– Мы поладим, Саша, – растягивая слова, произносит он.

– Не сомневаюсь, – я не даю ему опомниться. – Добро пожаловать, Алекс.

Ресторанчик находится за синей, местами облупившейся дверью, большую часть дня она плотно закрыта и лишь слегка приоткрывается по вечерам. Чтобы найти «Ла Скала», нужно обладать нюхом на подобного рода места. У живчика Фрэнки, должно быть, нет никаких проблем с обонянием. Несомненное преимущество Фрэнки: он уже побывал здесь. Я же никогда не была. Но допускаю, что этот ресторанчик похож на все другие ресторанчики, которые я видела в Марракеше, Касабланке, Рабате. Европа, Африка и Америка в одном флаконе – это в понимании владельцев и есть средиземноморская кухня. Средиземноморье не как география, а как гастрономия. Щадящий вариант национальной кухни плюс безликий кулинарный мейнстрим.

Зданию, в котором расположена «Ла Скала», не меньше двухсот лет, все в нем устроено по принципу североафриканской риады: внутренний, выложенный плиткой дворик с фонтаном посередине и зеленые плети растений, они свешиваются вниз с галереек всех трех этажей. Промежутки между растениями заполнены коврами, преобладающая гамма – красно-песочная. С небольшими вкраплениями черного.

Милое местечко.

Столиков немного – едва ли десяток. Их могло быть и два, но часть пространства занимает импровизированный (как я подозреваю) танцпол. Он функционирует только и исключительно по вечерам, когда в «Ла Скала» просачиваются типы, похожие на Фрэнки. Какому идиоту пришло в голову назвать ресторанчик чопорным итальянским именем «Ла Скала» – неизвестно.

Мы – единственные посетители, но наплыва жаждущих обслужить нас официантов не наблюдается. Алекс не выказывает по этому поводу никакого беспокойства, он устроился на стуле напротив меня и... изучает собственные ногти. Не ковры, не растения, не даже струящийся фонтан – ногти. Тягостная минута уходит на раздумья: каким образом привлечь службу. В последующие три я громко покашливаю, громко барабаню пальцами по столу и, наконец, наплевав на приличия, снимаю с ног туфлю и отчаянно колочу каблуком по плитам.

Сработало.

Вот она и прибилась к нашему берегу, официантка со студенистым, расплывшимся телом и физиономией американского госсекретаря Кондолизы Райс. Сходство настолько очевидно и настолько пугающе, что я готова немедленно начать с ней переговоры о выводе американских войск из Ирака. И о бизнес-ланче заодно.

Бизнес-ланч.

Никакой это не романтический завтрак, щебет приготовленных на гриле птиц и потрескивание витых свечей исключены, ногти Алекса настаивают на бизнес-ланче. После которого каждый сам заплатит за себя, хорошо еще, что я догадалась прихватить кошелек.

– Меню, пожалуйста, – холодно говорю я Кондолизе. – И в следующий раз не заставляйте нас ждать.

Официантка морщит узкий, блестящий от пота лоб: о каком следующем разе идет речь?

⁷ Средиземноморская кухня (*фр.*).

– Отличная пара вашему гению, – замечает Алекс, как только она покидает столик. – Так и представляю их вместе.

– А я – нет. – Выпады в сторону Доминика мне совсем не по душе.

– Я задел вас за живое, Саша?

– Не люблю, когда пренебрежительно высказываются о моих друзьях.

Я жду, что Алекс извинится или хотя бы произнесет примиряющую обе стороны фразу, что-то вроде «не надо драматизировать, Саша», – тщетно.

– Вы сами проехались вчера по его брюху. Не так ли?

Вполне резонный ответ. Алекс ничего не забывает. Ничего не забывает, никогда не повышает голоса и не колотит каблуком по камням, чтобы обратить на себя внимание. И стоит ему повернуть голову, как Кондолиза вновь оказывается рядом с нами – с раскрытым блокнотом и карандашом на изготовку.

– Яичницу с беконом, овощи и сыр.

– Овощи?.. – переспрашивает официантка.

– Брюссельская капуста, тушенная в сметане. Этого будет достаточно.

– Мне то же самое! – кричу я вслед удаляющейся заднице Кондолизы, что здесь, черт возьми, происходит?!

Алекс даже не заглянул в меню, откуда такая уверенность, что в марокканской забегаловке найдется брюссельская капуста, тушенная в сметане? Найдется, и еще как – если верить трем скрепленным друг с другом пергаментным листам. Капуста, сыр и яичница с беконом соответствуют третьему, пятому и одиннадцатому номерам в списке блюд, двенадцатым идет курица в тажине. Национальное блюдо, открывающее раздел «**Дары Марокко**».

Алекс Гринблат либо равнодушен к экзотике, либо наелся ею еще до того, как американцы заняли Ирак. Что же касается волшебного попадания в номера три, пять и одиннадцать – без тщательного изучения ногтей тут не обошлось, и, боюсь, это не вся информация, которую можно оттуда выудить. Котировки валют, новости с фондовых бирж, демографическая статистика, результаты скачек в графстве Эссекс, лоты на аукционах «Кристи» и «Сотбис» – далеко не полный перечень того, что скрывается под ногтями Спасителей мира.

Я почти верю в это.

– Итак... – торжественно произносит Алекс.

– Итак, – эхом отзывается я. – Может быть, закажем кофе?

– Мне не хочется кофе.

– Тогда чай. Мятный чай со специями – визитная карточка Марокко... Попробуете?

– Оставим туземные прелести туристам.

Прокол. Я допустила прокол. Попытку всучить Алексу Гринблату чертов мятный чай можно смело приравнять к явке на собеседование в офис солидной фирмы в одном купальнике и боа из крашенных страусиных перьев. И в том, и в другом случае результаты плачевны. Вопрос только – что меня мучает сейчас? Ведь не на работу же к Алексу я нанимаюсь, в самом деле!..

– Расскажите о себе, Саша.

– Зачем? Разве это имеет отношение к цели вашего визита?

– Все может быть. Итак... Как долго вы здесь?

– Три года.

– Приехали сюда из России?

– Нетрудно догадаться, Алекс.

– Вам нравится Марокко?

– Мне нравится Эс-Суэйра. И я бы хотела остаться здесь навсегда. – Теперь я вовсе не уверена, что дело обстоит именно так.

– Но теперь вы вовсе не уверены, что дело обстоит именно так?

Ах ты, сукин сын!

Хрен моржовый!..

– Идите к черту, Алекс. – Собрав остатки самообладания, я поправляю крашенные перья на боа и оттягиваю резинку на купальнике. И с треском возвращаю ее на место.

– Я еще не позавтракал. – Алексу нельзя отказать в здравомыслии. – Продолжим. Почему вы уехали из России? Насколько я знаю, это динамично развивающаяся страна. Страна больших денег и больших возможностей. И это... это нескучная страна.

– Никогда об этом не задумывалась.

– Напрасно. Динамично развивающаяся страна. Страна больших денег. Страна больших возможностей. Нескучная страна. Даю вам минуту, чтобы выделить главное определение из списка.

У меня есть свое собственное определение, связанное с любовью, связанное с дерьмом, связанное с фразой, брошенной в подтаявшую мартовскую жижу у метро «Петроградская»: **«Оставь меня в покое, идиотка!»** У меня есть свое собственное определение, но вряд ли оно заинтересует Алекса Гринבלата. Возвышающегося сейчас надо мной в ожидании брюссельской капусты, сверкающего огнями взлетных полос, унавоженного рекламой ведущих производителей пива и спортивной обуви, снабженного операционной системой Windows, раскинувшего в пространстве всемирную паутину и не чуждого при этом смазанного штемпеля на самом обычном письме.

Второго прокола быть не должно. Его и не будет.

– Нескучная страна. Я права?

Алекс довольно улыбается – *я права!*

– Да. Это и есть самое главное. Человечество страдает от скуки, а это – смертельная болезнь. Хуже СПИДа, хуже атипичной пневмонии, хуже лихорадки Эбола.

– Не думаю, что поголовно все человечество скучает. Некоторой его части приходится элементарно выживать.

– Крайние варианты мы не рассматриваем, – одергивает меня Алекс. – И эта неприкаянная часть человечества не должна интересоваться нас в принципе. Речь идет совсем о другой.

– О какой же?

– О платежеспособной. О той, которая готова выложить денежки, чтобы избавиться от скуки. Позже мы поговорим об этом поподробнее...

У меня нет желания говорить об этом ни с Алексом, ни с кем бы то ни было – ни сейчас, ни потом. Так почему я медлю, почему не обрываю Алекса на полуслове? Наверное, потому, что подспели брюссельская капуста, сыр и яичница с беконом. Все три пункта представлены в единственном экземпляре, мой брошенный вдогонку заказ проклятая Кондолиза проигнорировала.

– Девушке – то же самое, дорогуша, – строго говорит Алекс официантке и принимается за яичницу.

Он мог бы и уступить завтрак мне – так вышел бы из положения Доминик и наверняка Фрэнки; Жюль и его приятель Джим и еще несколько сотен миллионов мужчин были бы с ними солидарны.

А так и не примкнувший к миллионам Алекс Гринблат, орудуя вилкой и ножом, жрет свой бекон. Проглотив первый кусок, он аккуратно промокивает губы салфеткой.

– Теперь о вас, Саша. Несчастливая любовь, да?

Ни жалости, ни сострадания, ни даже любопытства – голая констатация, кем он себя возомнил, Алекс Гринблат? После такого пассажа я уж точно должна была встать и покинуть «Ла Скала», не дождавшись завтрака и не застегнув пряжки на туфле.

Но я продолжаю сидеть.

– Несчастливая любовь. Да.

Что сделал бы Доминик? И что наверняка сделали бы Фрэнки, Жюль, его приятель Джим и еще несколько сотен миллионов мужчин – на том лишь основании, что они – мужчины, волей судеб оказавшиеся в обществе слабой женщины?

Они бы утешили меня.

«Роковая случайность, Саша! только крошечный идиот не оценил бы вас по достоинству, Саша, только слепой! вы прекрасны, Саша!» – этого было бы вполне достаточно.

От Алекса Гринблата такой дежурной галантности придется долго ждать, и (в ожидании) я могу пропустить не только завтрак, но и обед, и ужин.

– Значит, несчастная любовь? И вы не нашли ничего лучшего, чем сбежать от нее в этот городишко?

– Не нашла, – честно признаюсь я.

Алекс Гринблат снова принимается за яичницу.

– Типично женская логика, – говорит он, заглядывая желток. – Время должно спасти, расстояние должно избавить... Все это чушь собачья, Саша.

– Чушь.

– А ваш избранник – крошечный идиот.

Неужели я дождалась комплимента от Алекса Гринблата?! Как бы не так!..

– ...не потому, что вы такая потрясающая, а он вас не оценил. Потому, что женщины чаще всего влюбляются в идиотов. Не думаю, что вы исключение.

– Я не исключение. А что бы вы сказали, если бы я влюбилась в вас?

На судьбу брюссельской капусты моя провокационная фраза никак не повлияла: она преспокойно исчезает в пасти Алекса.

– Не смешите меня, Саша.

– Почему? Вы не верите в любовь с первого взгляда? – продолжаю нагнетать ситуацию я.

– Только в нее и верю. Но что касается меня... – Алекс делает многозначительную паузу. – У вас нет никаких шансов.

– Абсолютно никаких?

– Абсолютно.

– Потому что ваше сердце занято кем-то другим?

– Потому что я – не идиот. И это – единственная причина.

– Я не могу рассчитывать даже на мимолетную связь?

Бог мой, и во времена отвязного студенчества я не позволяла себе подобных сальностей – вне зависимости от количества выпитой водки и количества выкуренных косячков. А встретив *l'amour*, впоследствии оказавшуюся *le merde*, и вовсе решила, что полигамия – не для меня. Так же как и дружеский секс, секс по телефону, секс по Интернету, секс для нормального функционирования яичников и секс на платформе сходных политических убеждений.

Политических убеждений у меня нет. И я не имею ничего против натурального меха и сафари в Кении, что же касается секса – за последние три года Эс-Суэйра выдула из меня даже воспоминания о нем, занесла их песком и похоронила под набегающими друг на друга волнами.

И вот теперь – разговор с малознакомым мужчиной о мимолетной связи. Как мило.

– На мимолетную связь может рассчитывать любой, – поигрывает ножом Алекс. – Но не всякий оказывается к ней готов.

– А лично я – могу?

– Можете. При условии, что вы – нимфоманка. И вам все равно с кем спать.

– В противном случае...

– В противном случае секс со мной не доставит вам никакого удовольствия. Как и большинству женщин.

Шокирующее откровение, оценить его по достоинству мешает вновь появившаяся Кондолиза с одинокой тарелкой для *mademoiselle*, нарочно или не преследуя никакого умысла – но она позабыла о сыре и капусте, можно ли считать крошечный сосуд с соусом компенсацией?..

Устраивать скандал я не стану.

– Хотите еще поговорить о сексе? – интересуется Спаситель мира.

– Пожалуй, нет.

– Тогда вернемся к вам. Ваши волосы... .

Не короткие и не длинные, не темные и не светлые, что-то среднее. Какими бы они ни были – страсти в них больше не запутаться. А ведь меня многие считали страстной, иногда – чересчур; человек, бывший моей *l'amour*, отбыл в неизвестность именно с этим убеждением. Осев в Эс-Суэйре, я совсем махнула на себя рукой.

Чтобы не сказать – опустила.

Это особенно бросается в глаза на фоне холеной физиономии Алекса. «Хлыщ» – назвал его Доминик. Справедливое замечание.

– ...А что – мои волосы? Вам не нравится прическа?

– Мне совершенно все равно, какая у вас прическа. Но если бы вам пришлось выбирать, вы бы отрастили их или наоборот – постригли самым кардинальным образом?

– Я уже выбрала.

– Это не ответ. Отрешитесь от события, которое загнало вас в такую дыру. Что бы вы выбрали?

Тест-драйв продолжается, даже забавно.

– Я бы постриглась. Очень коротко.

– Так я и думал, – удовлетворенно хмыкает Алекс.

– Мне развить эту тему или вы сами разовьете?

– Тут и развить нечего. Все, что можно было узнать о вас, – я узнал из вашего письма.

– Странно. В нем не содержалось никаких биографических данных. И никаких ссылок на косметические, кулинарные, сексуальные и иные предпочтения. И о состоянии ротовой полости там не было ни слова. Только подпись.

– Я умею читать между строк, Саша.

– Кто бы сомневался! – Достаточно ли иронично это прозвучало? – Что же такого интересного вы вычитали?

– У вас есть чувство юмора, – принимается загибать пальцы Алекс. – Вы обладаете вкусом, энергичны, умеете убеждать, умеете взглянуть на вещи с неожиданного ракурса, вы русская, наконец... .

– Это так важно?

– Это важно. Позже я объясню вам – почему... . И потом – вы хороши собой.

Ха-ха.

– Не красавица, конечно, – тут же поправляет себя Алекс. – Далеко не красавица. Но в вас есть то, что обычно называют шармом. Изюминкой.

– Это вы тоже почерпнули из письма?

– Это – нет. Это я увидел уже по приезде сюда. Это можно считать бонусом. Дополнительными баллами.

– Дополнительными – к чему?

– Я объясню вам. Позже.

– После завтрака?

– Позже – значит позже.

Письмо не выглядело ни особенно оригинальным (на мой взгляд), ни особенно длинным, две с половиной страницы, напечатанные на пишущей машинке. Не такой старой, чтобы на ней

было совсем уж неудобно работать, Доминик называет ее «portative»⁸ – она, как и бритва, как и музыкальная шкатулка, была забыта в одном из номеров. Никаких дополнительных аксессуаров к машинке не прилагалось, лишь вставленный в каретку лист с обрывком фразы:

...что мешает нам начать игру? Давай отбросим все и начнем...

По ее поводу у нас даже возник бесплодный спор с Домиником. Доминик считает, что это – финал мегабестселлера, завоевавшего рынок, я же убеждена, что это – начало заурядной книжонки, изданной ограниченным тиражом и полностью провалившейся. В любом случае мы с Домиником так и не узнали о судьбе других фраз на других листах, а машинка осталась у меня. К сочинительству она не особенно располагает.

Мертвый груз.

Алексу так не показалось.

Поэтому он и сидит сейчас напротив меня, отложив вилку и нож и подперев руками подбородок: завтрак окончен.

Как и следовало ожидать, за него мы расплачиваемся отдельно друг от друга.

– Чем займемся теперь? – спрашиваю я у Алекса, кладя в папку со счетом двадцать дирхам – чаевые на вспомоществование толстухе Кондолизе.

Алекс Гринблат ограничился десятью.

– Чем займемся теперь? – спрашиваю я у Алекса, когда мы снова оказываемся на улице.

– Дайте подумать...

– Хотите, покажу вам город?

Глупейший призыв, я ведь знаю, что ответит мне Алекс, *как он ответит*.

– Оставим туземные прелести туристам.

По узкой улочке несется ветер. По узкой улочке скачет солнце. То здесь, то там хлопают синие ставни, открываются и закрываются синие двери, а в ослепительно-синем небе я вижу стаю голубей. Видит ли их Алекс Гринблат?..

Не уверена.

Даже не обладая его чутьем, я могу предсказать, что он сделает в следующую минуту: развернется на сто восемьдесят градусов и пойдет вдоль улицы, навстречу ставням, дверям и ослепительно-голубому небу, время «позже – значит позже» еще не пришло.

Но я ошибаюсь. Я все время забываю, что он – Спаситель мира, а значит, следует своей собственной логике. Простому человеку понять ее так же трудно, как представить бег тока по проводам или осознать механизм деления клеток.

Деление клеток. *Чертovski красивые глаза* Алекса устраивают (специально для меня!) мастер-класс деления: с их радужной оболочкой что-то происходит, она распадается на сотни разноцветных осколков, в каждом из них я вижу свое собственное отражение, и отражение улицы, и еще какие-то отражения, смысл которых мне не совсем ясен. Совсем неясен, если уж быть точной. Штрих-коды, пиктограммы, логотипы, обрывки цифр, обрывки счетов – ничего этого нет в действительности. Мое разыгравшееся воображение, не более, умение взглянуть на вещи с неожиданного ракурса. И еще – *чертовски красивые глаза* Алекса. Сами по себе. Они обладают гипнотической силой. Гипнотическая сила *чертовски красивых глаз*, а вовсе не самые обычные (хотя и по-женски ухоженные) руки Алекса прижимает меня к стене. Хлопающий синий ставень слева, то открывающаяся, то закрывающаяся синяя дверь – справа.

И ветер. И солнце. И ослепительно-голубое небо со стаей голубей.

– Удивите меня, Саша, – шепчет Алекс.

– Удивить?..

– Да. Удивите меня. Покажите мне нечто такое...

⁸ Портативная (фр.).

Нечто такое, что заставит меня изменить взгляды на жизнь. Нечто такое, что заставит меня почувствовать, что она по-настоящему прекрасна.

– Покажите мне нечто такое, что заставит меня выложить энную сумму.

– Наличными? – глупо спрашиваю я. – Или выпишете чек?

Глаза Алекса. Не так уж они и хороши. Но теперь это не имеет принципиального значения.

– Как карта ляжет, Саша. Удивите меня!

– Доски Доминика, – напоминаю я Алексу. – Вы еще не видели их.

– Я видел их.

– На фотографиях. Это не одно и то же.

– Это – одно и то же. Удивите меня!

– Показать вам фокус? Я не знаю ни одного...

– Удивите меня!

Главный тест. Все остальное, включая наш ночной разговор, и утренний разговор, и завтрак с отдельным счетом, и препирательства по поводу длины волос – все остальное было лишь подготовкой к нему. Вот, что я должна сделать сейчас, – удивить Алекса Гринблата, Спасителя мира! Возможно, тогда неожиданно и прояснится сюжет мегабестселлера (заурядной книжонки) со словами в финале (вступлении)?..

– Что мешает нам начать игру?

– Ничего, – отзывается Алекс.

– Давай отбросим все и начнем!

* * *

...До причала, где обычно стоит лодка Ясина, пятнадцать минут ходьбы. Последние пять я почти бегу, едва касаясь ногами земли, мне очень хочется побыстрее удивить Алекса Гринблата. Заставить его расстаться с энной суммой. Ясин подходит для моего плана, как никто другой. Две минуты, минута, причал уже виден, он отделен от самого посещаемого туристами форта – Скалы дю Порт (со смотровой площадкой) длинной крытой улицей и небольшой площадью: несколько магазинчиков, торгующих открытками и сувенирами, кооператив по изготовлению поделок из дерева, агентство недвижимости (головной офис – в Лондоне), два кафе, ведущие жестокую конкурентную борьбу за туристические кошельки. На площадь лучше не соваться, таких площадей Алекс наверняка перевидал немало – похожих друг на друга, вне зависимости от того, являются ли они объектом культурного наследия, охраняемым ЮНЕСКО, или нет.

Слава богу, что ЮНЕСКО еще не пронюхало о существовании Ясина и рыбы, которой он торгует. И не наложило квоту на его трюки со вспарыванием рыбьих животов. У меня есть шанс.

Катер Хасана и Хакима на месте, к нему прилепилось еще несколько лодок, над которыми кружат полчища голодных чаек. И раньше их крики напоминали мне крики муэдзинов, сейчас же сходство особенно очевидно. Чайки везде, а запах рыбы, воды и гниющих водорослей норовит пробраться не только в ноздри, но и под одежду, под кожу.

Знаю я эти штучки, знаю я этот запах, но готов ли к нему чистюля Алекс Гринблат?

Он не выказывает никакого беспокойства, никакой брезгливости, даже когда под его подошвами начинают хрустеть вырванные жабры, выпавшие перья, ошметки чешуи. Алекс предельно сосредоточен, он не отстает от меня ни на шаг.

Только в одном месте заметен просвет, не занятый нахальными птицами. Там и стоит лодка Ясина. А спустя секунду появляется сам Ясин, до этого он возился со снастями. Картинка, достойная быть запечатленной в настенном календаре «MAROC», январская, самая

востребованная страница: фольклорный араб в фольклорном челне, *нефольклорные элементы* отсечены при ретуши.

ПРИВЕТ ИЗ МАГРИБА!

Я испытываю облегчение, когда вижу на Ясине потрепанные спортивные штаны и жилетку с множеством карманов. И штаны, и жилетка вступают в явное противоречие с чалмой на голове, но это даже хорошо, никакой особой экзотики, *оставим туземные прелести туристам*. К тому же мне не хочется казаться приятельницей Ясина, продемонстрировать трогательное единение Запада и Востока – что может быть пошлее? Максимальная сдержанность, вот что от меня требуется. Максимально сдержанно я машу Ясину рукой:

– Здравствуйте, Ясин.

– Здравствуйте, мадам.

Лодка Ясина забита рыбой, сегодня ее еще больше, чем когда-либо. Салака, ставрида, тунец – их тела играют на солнце и поражают своим великолепием. Нет только сельди, но сезон лова сельди еще не наступил. Ближняя к нам с Алексом груды угрожающе шевелится.

Осьминоги.

Четыре маленьких и один побольше.

– Как обычно, мадам?

– Как обычно, Ясин.

«Как обычно» предполагает, что я спущусь в лодку и сама выберу рыбу. После этого Ясин вспорет ей живот и... Может быть, Алекс Гринблат удивится настолько, что отвалит за содержимое живота энную сумму. Алекс стоит за моей спиной, а это означает определенную корректировку «как обычно».

– Можно, мой друг тоже спустится? – спрашиваю я у Ясина.

– Конечно, мадам.

Ясин подает мне руку, и я оказываюсь в лодке, после чего туда же спрыгивает Алекс. Ясин отступает на корму: места для троих в середине маловато.

– Выбирайте рыбу, Алекс, – командуя я.

– Зачем?

– Увидите.

– Можно выбрать любую?

– Абсолютно любую.

– Я не поклонник рыбы и морепродуктов.

– Не важно. Вы же хотели, чтобы я вас удивила. Выбирайте!

– Лучше вы. – Нерешительность Алекса мне непонятна.

– Если это сделаю я – вы обвините меня в сговоре с продавцом и подтасовке фактов.

– Не обвиню.

– Хорошо.

Все последующее происходит по давно отработанной схеме: поискав глазами подходящий экземпляр, я останавливаюсь на тунце в руку длиной, с темно-синей спинкой, бледным брюхом и разводами у плавников. В затуманившихся глазах тунца стоят слезы, меня они не разжалобят.

– Эту.

– Хорошо, мадам. Почистить ее?

– Как обычно, Ясин.

Рыбак подбрасывает тунца на ладони, затем укладывает на импровизированную разделочную доску – кусок твердого темного дерева, прочно обосновавшийся между двумя скамьями, – и начинает счищать чешую. Процесс занимает минут пять, причем Ясин считает своим долгом развлечь нас разговором.

– Мне приснился странный сон, мадам.

– Странный?

– Сон со значением.

«Сон со значением» – таких сложных построений еще не встречалось в примитивном французском Ясина, должно быть, он тайком занимается самообразованием. Нужно подарить ему франко-арабский словарь, я видела его в библиотеке Доминика, – жалкий, пыльный, никем не востребованный. Ясину же он может пригодиться.

– Сломанные стрелы. Змея. Несколько кошек. И вы, мадам.

– Пестрая компания.

– Все дело в кошках, мадам. Я не могу сказать, что делали вы и что делали кошки. Но...

Это не очень хороший сон.

– Не очень хороший?..

Лицо и руки Ясина скрываются в облаке рыбьей чешуи, больше похожей на пелену снега или дождя, я уже успела забыть, что где-то существует снег, существует дождь. И мартовская жижа как лучшая декорация для эпического финала – **«Оставь меня в покое, идиотка!»**

Что делали кошки в сне Ясина? Что делала там я? Какое мне вообще дело до снов рыбного божка, от них можно было бы и отмахнуться. Если бы не сплетни и враки, которые распускают Хаким и Хасан. Ясин не может рассказать мне свой сон в подробностях, потому что я пришла не одна, и, значит, все дело в Алексе? Или все-таки в кошках? Но ведь никогда раньше мы не вели разговоры о снах!..

Скорей бы он закончил чистить тунца.

– Я должен вас предостеречь, мадам.

– От чего?

Я обеспокоена, но не только и не столько словами Ясина, а тем, как они смотрятся со стороны. Путаные символы, путаные окончания, Спасители мира при таком раскладе впадают в скуку и нигилизм первыми.

– Просто предостеречь. Вы должны быть осторожны.

Нужно положить конец всему этому. И немедленно.

– Хорошо, я буду осторожна.

– Все как обычно, мадам? – Ясин вовсе не кажется успокоенным, нож, обратной (зазубренной) стороной которого он снимал с тунца чешую, подрагивает.

– Да.

Неожиданно в лодку бьет волна, и, чтобы удержаться, я хватаюсь пальцами за запястье Алекса. Пытаюсь ухватиться – и обнаруживаю пустоту: Алекс даже не подумал помочь мне. Такие мелочи, как волны и девушки, нуждающиеся в помощи, его не занимают. Тем более что Ясин уже вспорол рыбе брюхо.

Я молю Бога, чтобы все прошло «как обычно».

Есть!..

Покопавшись в потрохах, Ясин извлекает на свет ключ. Не такой эффектный, какой была курительная трубка, но тоже заслуживающий внимания. Незатейливая борода с двумя зубцами, узкое тело, на кончике намотана часть тунцовых внутренностей – ее не разглядеть.

Алекс присвистывает.

– Это шутка? – помедлив, спрашивает он.

– Нет, – отвечаю я.

– Фокус?

– Нет.

– Профессиональный трюк?

– Вы готовы раскошелиться? – Я с трудом скрываю торжество. – Выложить энную сумму?

Так и не ответив мне, Алекс лезет в задний карман брюк за бумажником. Энная сумма, с которой он готов расстаться, составляет десять евро.

– А верхняя шкала, по которой вы оплачиваете удивление... Максимум... Он существует?

Алекс теребит десятку в руках:

– Это и есть максимум.

– Значит, мне удалось удивить вас по максимуму?

– Да. Я должен отдать деньги вам? Или этому парню?

– Рыба стоит намного дешевле десяти евро. И Ясин не возьмет больше, чем стоит рыба.

– А ключ?

– Ключ входит в стоимость.

Я терпеливо объясняю Алексу все то, что три года назад объяснял мне сам Ясин. Пока я делаю это, Ясин заворачивает рыбу в бумагу и помещает ее в пакет. Туда же отправляется ключ.

– А если бы вы выбрали другую рыбу? – Алекс мгновенно становится похож на ребенка, пристающего ко взрослым с вопросом «куда по ночам деваются солнце?».

– Я получила бы что-нибудь другое.

– Вы всегда что-нибудь получаете?

– Всегда.

– А если бы рыбу выбирал я?

– Вы же не любите рыбу и морепродукты!

– И все же...

– Я вас понимаю, Алекс. Когда я столкнулась с этим впервые – тоже подумала: профессиональный трюк, не иначе.

– И?

– О трюке речи не идет.

– Вы часто здесь бываете, Саша?

– Несколько раз в неделю. Иногда чаще, иногда реже.

– И ни разу не ушли с пустыми руками.

– Ни разу.

– Рыба не в счет!

– Ни разу. Хотите попробовать сами?

Несколько секунд Алекс колеблется.

– Нет.

У него нет и причин оставаться в лодке дольше. Оттолкнувшись от скамьи, Алекс вспрыгивает на пирс; он не оглядывается, в полной уверенности, что я последую за ним. Прихватив рыбный пакет. И я готова это сделать, но что-то мешает мне. Рука Ясина, крепко перехватившая мою руку.

– Подождите, мадам! – понизив голос до шепота, говорит Ясин.

– Собираетесь рассказать о своем сне подробнее? Без свидетелей?

«**Sans témoin**» – вот как это прозвучало, неясно, понял ли меня Ясин.

– Человек, с которым вы пришли, мадам... – Рыбак старается не смотреть в сторону Алекса. – Он опасный.

– Для кого?

Подозреваю, что со стороны пирса мы выглядим дурачки, араб и белая женщина, неожиданно ставшие заговорщиками, *рыбная фронтда*. Чтобы хоть как-то смягчить впечатление, я присаживаюсь на корточки перед осьминогами – четырьмя маленькими и одним побольше. Ясин следует моему примеру.

– Для кого он опасен, Ясин?

– Для вас. Для всех.

– Значит, и для вас тоже?

Ясин ненадолго задумывается: похоже, такая мысль еще не приходила ему в голову. Лоб Ясина собирается складками, брови ползут к переносице, рот приоткрывается: за ним поблескивают диковатые неровные зубы.

– Я всегда могу уплыть, – покончив с театральной паузой, говорит он. – Туда. В океан. И то правда: в обществе тунцов, салаки и скумбрии Ясину ничто не угрожает. – А в чем заключается опасность?

Ясин приподнимает щупальце осьминога и принимается сосредоточенно рассматривать его, как будто именно там заключены все ответы на все вопросы, вопрос о гипотетической опасности Алекса Гринблата – не исключение.

– Этот человек опасный, мадам!..

Наконец до меня доходит, что Ясин не сможет сказать мне больше – даже при желании, проклятый языковой барьер, не позволяющий одному человеку приблизиться к истине, которой обладает другой. (**Постскриптум:** не забыть в следующий раз втюхать Ясину франко-арабский словарь, хотя гарантий, что французская истина является по совместительству и арабской истиной, не существует.)

– Держитесь от него подальше.

Дружеский совет (если невнятные стенания рыбака можно считать дружеским советом) явно запоздал, никаких сожалений по этому поводу я не испытываю. Скорее – бесшабашную, почти истерическую веселость.

– Обещаю вам быть предельно осторожной, Ясин!

Я кладу руку на руку Ясина, все еще держащего за руку осьминога (можно ли считать щупальца руками?). Пальцы Ясина кажутся мне холодными, липкими, покрытыми слизью, как можно принять их сторону, как можно поверить им?

Ясин врет.

Водит меня за нос – типично арабская, типично магрибская манера. И вообще, *у Ясина дурной глаз, дурной глаз!* Хасан и Хаким не так уж неправы.

– А сон?..

– Приходите одна, мадам! Приходите одна, и я расскажу вам свой сон.

Мерзавец!..

– Обязательно приду, Ясин. Вы меня заинтриговали.

«**Intrigue**» – вот как это прозвучало, неясно, понял ли меня Ясин.

– Этот человек опасный! Опасный!

В какой-то момент мне кажется, что не руки Ясина – осьминожки щупальца обхватывают меня, ощущение не из приятных, оно заставляет вспомнить те дни (тот день), когда я была облеплена рыбой чешуей, бр-р, гадость какая, ни один ключ того не стоит, ни одна курительная трубка! Побыстрее бы отрешиться от всего этого, и от Ясина заодно; Алекс Гринблат, скупающий на пирсе в ожидании, кажется мне едва ли не избавителем, с которым можно общаться, не прибегая к помощи словаря.

Я освобождаюсь от щупальцев, предварительно сунув в них мятую бумажку в двадцать дирхам, примерно столько стоит потрошенный тунец.

– Мне пора, Ясин.

– Да, мадам! Помните, что я вам сказал. И приходите одна.

– Да. Да...

Я выскакиваю из лодки как ошпаренная, ничьей помощи мне не понадобилось. Завидев мои маневры, Алекс поворачивается на сто восемьдесят градусов и быстрым шагом удаляется от края пирса, теперь мне придется бежать, чтобы нагнать его. Алекс – такой же мерзавец, как и Ясин. *Меня окружают мерзавцы!*..

– О чем вы говорили с вашим приятелем? – спрашивает Алекс, когда я оказываюсь рядом.

– Ни о чем. Я заплатила за тунца.

– Вы ведь говорили обо мне. Что именно?

– Вы понравились туземцу.

Почему я солгала? Чтобы не давать Спасителю мира лишнего повода для гордыни. «Вы понравились туземцу» звучит беззубо, стерто, полстроки из замызганного путеводителя, да и только; «туземец сказал, что вы опасный человек» – это придает ситуации пикантность и заставляет воображение качать мускулы и вырабатывать адреналин.

– А мне показалось, что я не так уж ему понравился.

– Вы ошибаетесь, Алекс.

– Я никогда не ошибаюсь.

Алекс Гринблат знает, что говорит. И ничего не забывает, о чем-то подобном я уже думала за завтраком. Вот и сейчас он спрашивает меня:

– Так к чему арабам снятся кошки? И сломанные стрелы... И...

– И змея.

– Да.

– Я не успела выяснить. И меня не волнуют чужие сны.

– Ценное качество. А собственные?

– Я их почти не вижу, а если вижу – не могу вспомнить. И потом... Погрузиться в сон – все равно что погрузиться в темноту.

– Не обязательно.

– За закрытыми глазами всегда темно. А у меня сложные отношения с темнотой. В темноте я ничего не вижу.

– Так вы уникалы? – Алекс раздвигает губы в иронической улыбке.

– Не думаю. Просто... Мои глаза не привыкают к темноте, как многие другие глаза. Такая вот особенность организма.

– И давно она у вас?

– С детства.

– Забавно. Теперь пришло время взглянуть на доски.

– Мы возвращаемся в отель?

– Куда же еще? Доски ведь хранятся там?..

Я могла бы провести Алекса другой дорогой, а вовсе не той, какой мы пришли, – лишь для того, чтобы он в полной мере ощутил всю прелесть сине-белой Эс-Суэйры, ее крытых улочек, ее таверн, где подают жесткое верблюжье мясо и вкусную рыбешку «сибас»; ее шероховатых обветренных стен с запахом туи, тамариска и можжевельника, и еще чего-то, что вовсе не нуждается в переводе... как бы не так! – Алекс Гринблат далек от поэзии маленьких портовых городов.

Его не прошибешь.

Самое ужасное, что я и сама начинаю думать об Эс-Суэйре как об отстойнике, канализационном сливе, прибежище лузеров, которым остается только покачиваться на грязных волнах, гонять в футбол на пляже, усеянном нечистотами, и коротать ночи в номерах сомнительных гостиниц. Что-то очень важное проходит мимо меня.

Подозреваю, что это «важное» – и есть сама жизнь.

Алекс молчит.

Он молчит до самого отеля; чтобы попасть к Доминику, нам нужно подняться на второй этаж, пройти по коридору в самый конец, снова спуститься на первый и снова пройти по коридору, заканчивающемуся тупичком с одинокой дверью. Там и находится жилище Доминика: что-то вроде двухкомнатной квартирki, одну комнату занимает сам хозяин, еще одну – его знаменитые доски для виндсерфинга.

На ресепшене нет никого, кроме скучающей Фатимы, жены Наби. Фатиме чуть больше двадцати, у нее двое мальчишек-близнецов, Джамаль и Джамиль, слишком беспокойных,

чтобы их ждала судьба флегматичного Наби. Я знаю, кем станут Джамаль и Джамиль, когда вырастут:

не Рональдо и не Рональдиньо – Хасаном и Хакимом.

Фатима раскладывает пасьянс.

– А где Доминик? – спрашиваю я.

– Хозяин ушел к себе.

Бесконечный пасьянс Фатимы никогда меня не занимал, и цели, которые она преследует, раскладывая его, мне неизвестны. Карты, впрочем, тоже. Вместо традиционной колоды и традиционного набора мастей – аккуратные квадраты из плотного картона. Каждому краю квадрата соответствует обрывок изображения, отсюда, с противоположной стороны стойки, мне видна нижняя половина лошади и одинокий башмак – *бабуи*. Значит, где-то есть верхняя половина лошади и второй башмак. Фатима поворачивает один из квадратов, подгоняет его к соседнему – и на бледно-сиреневом фоне возникает силуэт дворца Бахия. Не тот, каким его обычно снимают для туристических проспектов, – *первозданный*. Просто дух захватывает!

Мне стоило бы повнимательнее присмотреться к рисункам на квадратах.

И я обязательно это сделаю, но сейчас важен только Доминик. И его доски.

Кивнув Фатиме, я поднимаюсь по лестнице, Алекс следует за мной. Вот и площадка с зеркалом и стеклянным шкафом для забытых в номерах вещей. Чтобы пересечь ее, хватит и пяти секунд, но мы задерживаемся еще на минуту. Все из-за Алекса, от его взора ничто не ускользнет. Он топчется возле шкафа, внимательно разглядывая его внутренности.

– Вам не кажется, что что-то изменилась, Саша?

– Что там могло измениться, Алекс?

– Кое-чего недостает.

Напульсник, медальон, ремень, статуэтка Мэрилин и статуэтка Будды. Музыкальная шкатулка тоже на месте, о чем мне толкует Алекс?

– Бритва, – голос Алекса звучит почти интимно. – Я не нахожу здесь бритвы.

Опять бритва. Не далее как сегодня утром Алекс отправил ее в отставку, в почетную ссылку, и вот теперь разговор о ней зашел снова.

– Странно.

Это и правда странно, бритва пролежала за стеклом несколько лет, никем не востребованная. И вот теперь она исчезла. И дверца самого шкафа не закрыта на ключ, а всего лишь плотно прикрыта. Странно, странно, странно!..

– Интересно, кому она могла понадобиться? – Алекс никак не может оторвать взгляд от шкафа.

– Понятия не имею.

– Приличный человек не взял бы ее и даром.

Приличный человек в понятии Алекса только один – он сам.

А владелец бритвы (прошлый или нынешний) – априори нелегальный иммигрант, гастарбайтер, раз в три дня с остервенением скребущий щетину. Насухо, перед расколотым, засиженным мухами зеркальцем от пудреницы. Пудреница досталась ему в подарок от шлюхи, такой же дешевой, как и сам гастарбайтер. А из окна его комнатенки виден лишь остов заброшенного цементного завода.

– Я скажу Доминику. Возможно, это он вытащил ее.

Не бог весть какое предположение, до сих пор мой толстяк не выказывал особого интереса к бритве. К тому же он бреется станками «Жиллет», а иногда не бреется вовсе. Ходит заросшим, бессознательно маскируя второй подбородок.

– Почему он? – Алекс проявляет к заурядному событию повышенный интерес, акцентирует на нем внимание – и это тоже выглядит странным.

– Потому что второй ключ от шкафа есть только у него. Пойдемте, Алекс.

Сколько отелей перевидал в своей жизни Алекс Гринблат? Массу. Спасители мира в моем представлении являются самыми запойными путешественниками, они коллекционируют страны так же, как мы с Домиником коллекционируем вещи из номеров. Где-нибудь в заоблачной выси, в башне из слоновой кости посередине Манхэттена, в замке посередине Шервудского леса, в хвостовой части дирижабля «Италия», на корме линкора «Тирпиц» (стандартное, унифицированное человеческое жилье унизило бы Алекса Гринблата) – где-нибудь там, в одной из двух тысяч комнат, стоит огромный стеклянный шкаф со странами, которые Алекс осчастливил своим визитом:

засушенными;
заспиртованными;
заклеенными сургучом;
запертыми в музыкальные шкатулки —
уф-ф!..

И какие отели соответствовали разным возрастам Алекса? В наш он заглянул бы лишь случайно, в крайне сомнительном возрасте *двадцать один* – переждать туман и на скорую руку перепихнуться с до одури юной поклонницей оркестрика «Буэна Виста Соушал Клуб», она утверждает, что уже курила сигары, смех, да и только!..

Ах да! – *Секс со мной не доставит вам никакого удовольствия*, – я и забыла!

Крайне сомнительный возраст *двадцать один* отменяется, так же, как и крайне сомнительный возраст *двадцать семь*, и *тридцать три*, и все последующие, до которых Алекс Гринблат еще не добрался, напрочь законсервировавшись в своих тридцати пяти. Надо бы вынести из холла пепельницы с окурками, куда только смотрит Фатима?

На дворец *Бахия* в обрамлении бледно-сиреневого.

– ...Мы пришли, – говорю я, остановившись перед дверью Доминика и переводя дух.

– Стучите, – командует Алекс.

Но и без его понуканий я впиваюсь костяшками в слегка разбухшее от постоянной влажности дерево.

Никакого ответа.

– Доминик, это я! Открой!

– Он мог куда-нибудь уйти, – замечает Алекс.

– Вряд ли. Он наверняка дома.

За дверью по-прежнему тихо. Спустя минуту тишина начинает раздражать меня.

– Доминик! Мы же договаривались, Доминик!..

Шорох, шлепанье босых ног, покашливание – слава богу, хоть какие-то подвижки.

– Это ты, Саша?

– Ну конечно!

Мне не нравится голос Доминика: придушенный, хриплый, дрожащий как осиновый лист, *загнанный*. Он пропитан влагой, так же, как вход в его берлогу, ничего хорошего ждать от этой влаги не приходится. С Домиником что-то не так, это чувствуется и через дверь.

– Черт возьми, Доминик! Откроешь ты или нет?

Почахливание переходит в сопение, как будто Доминик пробежал марафонскую дистанцию и остановился в пяти метрах от финиша: двигаться дальше он не в состоянии, бедняга Доминик. Остается надеяться, что ему еще хватит сил повернуть ключ в замке.

– Мы пришли посмотреть доски, – уламываю я Доминика. – Я ведь говорила тебе...

Дверь распаивается – наконец-то!

Дверь распаивается, и передо мной предстает Доминик. То есть я понимаю, что это он, ведь никого другого здесь быть не должно. Перемены, произошедшие в Доминике за те несколько часов, что мы не виделись, разительны. Полнота, и без того его не красившая, теперь кажется болезненной, щеки обвисли, глаза ввалились, по вискам струится пот, губы запеклись

и покрылись струпьями. Картина, открывшаяся мне, так неожиданна и так страшна, что я не в состоянии произнести ни слова. Если бы мужем Фатимы был не Наби, а сам Доминик, я решила бы, что он потерял кого-то из близнецов, Джамиля или Джамалю, или, что вероятнее, – их обоих.

Доминик раздавлен. Уничтожен. Он едва держится на ногах.

– Что-то случилось? – решаюсь спросить я.

– Ничего. Все в порядке.

– Ты неважно выглядишь, Доминик.

Сколько раз то же говорил мне сам Доминик – и по гораздо более ничтожным поводам!

– Я же сказал – все в порядке!

– Это Алекс Гринблат, – представляю я стоящего за моей спиной Алекса. – Он заинтересовался твоими досками. Прилетел сюда ради них. Тыпустишь нас?

Доминик колеблется. Облизывает струпья на губах. Скребет щетину на подбородке. Хватается за дверной косяк; единственное, что заслуживает сейчас внимания, руки Доминика. Они перепачканы красным, мне даже начинает казаться – *это кровь*. Наваждение длится секунду, от силы – две; наличие крови объяснило бы все – и ввалившиеся щеки, и общую болезненность.

– Твои руки...

– Пустяки, – Доминик сглатывает слюну. – Я перевернул банку с краской.

Краска, ну конечно же! Кровь не может быть такой вызывающе яркой, такой однозначной, ее удел – приглушенность, ее удел – полутона. Я судорожно пытаюсь вспомнить, как часто Доминик прибегал к помощи красного (все его работы я изучила до последнего мазка) – ничего убедительного на ум не приходит. Аквамарин – да, кобальт – да, охра – да, умбра – может быть, но кармин никогда не был определяющим цветом Доминика. Доминик всегда его побаивался, всегда был осторожен с ним – и вот теперь, пожалуйста, – перевернул целую банку!..

– Сейчас не самое подходящее время для визита, Саша.

– Вымой руки и приведи себя в порядок. – Так просто я не сдамся! – Мы подождем.

– Не стоит. Разве что потом. Позже.

Ситуация – глупее не сыскать, представляю, что думает о нас с Домиником Алекс. Специальный гость Алекс Гринблат, ради которого все и затевалось.

– Когда?

Я готова к любому ответу, «приходите вечером», «приходите завтра» – не самый шокирующий вариант, рано или поздно я дожду толстяка.

– Так когда?

– Никогда! – выдыхает Доминик и с треском захлопывает дверь.

Вот ублюдок!

– Что это с ним? – вяло интересуется Алекс.

– Понятия не имею. Причуды гения.

– Он грешил ими и раньше?

– Да нет. Доминик – милейший человек. Вполне адекватный.

– Я вижу. Попробуйте поговорить с ним еще раз, Саша.

Я с тоской смотрю на дверь, волшебным образом увеличившуюся до размеров крепостных ворот, – такая играючи выдержит любой таран. А стенобитных орудий у меня под рукой нет.

– Я подожду вас в номере. Поговорите с ним.

– Я не уверена...

– Вам он откроет. – Алекс делает ударение на первом слове. – Уж поверьте...

Он едва не добавил «спасителю мира», но вовремя ограничился «психологом со стажем», каждую минуту Алекс Гринблат открывается для меня с новой, неожиданной стороны. Я отдаю

Алексу пакет с рыбой и с тоской провожаю взглядом его прямую спину. И снова сосредотачиваюсь на двери.

– Доминик?

– Да.

Как и следовало ожидать, Доминик никуда не делся – его сопение нестерпимо, к нему добавились хрипы и странное бульканье, неужели весь этот обвал звуков вызван инцидентом с перевернувшейся банкой краски?

– Я одна. Тыпустишь меня?

– Ты правда одна?

– Правда.

...Доминик прячет руки за спину, чтобы не смущать меня и себя заодно. В комнате царит страшный беспорядок, на полу валяется испачканная краской ветошь, постель не убрана, стулья опрокинуты. И только библиотека, занимающая одну из стен, дышит спокойствием. Совершенно машинально я ищу глазами франкоарабский словарь, это самый толстый том в библиотеке Доминика. Словарь на месте, только его сафьяновый переплет еще больше посерел от пыли.

– Что за представление ты устроил?

– Ничего я не устраивал.

– На кого ты только похож!

– Да ладно тебе, Саша...

– Я предупреждала тебя. Алекс очень заинтересовался тем, что ты делаешь. Не поленился и прилетел в наше захолустье. – Я в сердцах машу рукой. – Как это понимать, Доминик?

– Мне нечего ему показать.

– Что значит – нечего?

– То и значит.

– А доски?

– Досок больше нет.

Смысл сказанного Домиником не сразу доходит до меня: расписанных досок для серфинга не меньше тридцати, а то и сорока, они не могли разом исчезнуть, они не могли оптом отправиться в прокат, их гибель в огне тоже представляется мне проблематичной – в этом случае сработала бы пожарная сигнализация.

Пожарная сигнализация в нашем отеле всегда была на высоте.

Обойдя Доминика, я направляюсь в комнату, которую до сегодняшнего дня занимали доски. И первое, что я вижу, – огромная карминовая лужа. Ее размеры поражают, одной банкой дело явно не обошлось. Все остальное поражает не меньше, пейзаж после битвы, да и только! Доминик не соврал, досок больше не существует. Вместо них по всей комнате валяются обломки, осколки, щепы – груда бесполезного дерева, еще недавно бывшего мечтами о Марракеше, Касабланке, Рабате. Рыбный рынок разрушен, тщательно выписанные тела женщин обесчещены и густо замазаны краской. Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, – кто мог сотворить такое... такое... синонима произошедшему так с ходу и не подберешь, даже рейда во франко-арабский словарь будет недостаточно.

– Успокойся. – Голос подошедшего Доминика заставляет меня вздрогнуть.

– Успокоиться?

– Ты кричала.

Разве я кричала?

– Что это, Доминик?

– Ты же видишь...

– Нужно вызвать полицию.

– Полиция не поможет.

– Но... Может быть, хоть что-то уцелело...

Присев на корточки, я начинаю копаться в обломках, прикладывая их друг к другу, и это тоже разновидность пасьянса – хотя, в отличие от пасьянса Фатимы, мой никогда не сложится. Обломков так много, что ими можно было бы растапливать печь на протяжении нескольких дней, а то и недели. Если бы мы жили на севере. Но мы не живем на севере, от этого гипотетические поленья выглядят еще безнадежнее.

– Не стоит, Саша... Оставь это.

– Я не могу... Не могу так этого оставить.

– Оставь. Я сам их уничтожил. Сам.

Слова Доминика настигают меня в тот самый момент, когда я безуспешно пытаюсь собрать лицо Девушки С Девятью Жизнями. Девушка – не марокканка. Европейкой ее тоже не назовешь: такого сумеречно-золотистого цвета кожи не существует в природе. Я была без ума от доски с Девушкой, я сфотографировала ее первой и первой же вложила в конверт с письмом для знаменитого галериста Алекса Гринблата. О предыдущих восьми жизнях Девушки мне неизвестно ничего, что касается девятой... Похоже, окончилась и она. Была насильно прервана.

Прервана. Насильно.

После чудовищного признания Доминика комната уже не кажется мне обычной комнатой при отеле. Она стала местом преступления, впору обклеивать вход в нее желтой лентой, снимать отпечатки, рыскать в поисках улик и вести пространные рассуждения о действиях серийного убийцы. *Ничем не мотивированная жестокость, иррациональность мотива*, вот что их отличает. От бойни, которая здесь произошла, мутит; от лужи, занимающей середину комнаты, тянет специфическим запахом крови, ее так много, что хватило бы не на девять – на девяносто девять жизней. А есть еще и другие жертвы. Девушку не воскресишь, и лучше не думать о ее последних минутах. И об ужасе, обрушившемся на ее сумеречно-золотистую кожу. Дополнительные подробности будут выяснены при вскрытии, но уже сейчас общая картина ясна: Доминик – убийца.

Самый настоящий маньяк.

– Зачем ты это сделал, Доминик? – прерывающимся голосом спрашиваю я.

– Мне они надоели.

Не слишком убедительно это прозвучало.

– Но зачем нужно было разбивать их? Таким варварским способом...

– Мне они надоели.

– Хорошо... Если уж они тебе надоели, ты мог бы сделать так, чтобы они не попадались тебе на глаза.

– Я должен был сослать их в багажный отсек? – У Доминика хватает сил отпускать сомнительные шуточки.

– Не обязательно. В конце концов, я... Я могла бы их приютить.

– Ты. А точнее – ты и твой дружок.

Доминик совсем близко, он нависает надо мной подобно горе, пологой, покрытой чахлым кустарником. Гигантские буквы на склоне составляют не традиционное марокканское «АЛЛАХ РОДИНА КОРОЛЬ», совсем нет:

«ТЫ. ТЫ. И ТВОЙ дружок».

Еще мгновение – и он ударит меня наотмашь. Или того похуже. После произошедшего с Девушкой я уже ничему не удивлюсь.

– Мой дружок. Отлично.

– Да, да, да.

– Вот что я скажу тебе: он мог бы стать и твоим дружком. Он мог бы многое для тебя сделать!

– Да, да, да.

– Он мог купить твою мазню. – Господи, неужели я сказала «мазня»? – Он отвалил бы тебе денег, приличную сумму...

– Да, да, да.

– ...и ты расширил бы отель.

Чего только не пролепечешь, когда перед тобой маячит огромная, дурно пахнущая туша! Для расширения отеля понадобилась бы не одна сотня тысяч баксов, а Алекс не заикнулся даже о вшивом центе; да и собирался ли он вообще покупать доски?..

– Да, да, да, – не меняет интонации Доминик.

Он не слушает меня, не слышит. Его «да, да, да» лишено какой-либо осмысленности, оно призвано заглушить все мои выкладки, все призывы, все попытки наладить нормальный цивилизованный диалог.

– Замолчи, пожалуйста! – не выдерживаю я.

– Хорошо.

– Ты поступил неразумно, Доминик.

– Я поступил так, как посчитал нужным.

– Ты очень... очень меня подвел.

Лучше бы я не говорила этого.

Доминик пятится назад (обломки досок хрустят у него под ногами), оказывается в дальнем углу комнаты и уже оттуда принимается разглядывать меня.

– При чем здесь ты, Саша? – произносит он после недолгого молчания.

– Ну как же... Ведь это я... я пригласила сюда этого парня! Я рассказала ему о том, какие необычные, какие удивительные вещи ты делаешь с досками для серфинга. И про то, что ты потрясающий художник... про это я тоже не забыла упомянуть. А ты – ты все разрушил. Выставил меня полной дурой.

– Ты из-за этого переживаешь? Из-за того, что я выставил тебя дурой перед каким-то индюком? Перед недоноском?

Он прав. Именно из-за этого я и переживаю. Истина (как и любая, застигнутая врасплох истина) выглядит почти непристойно. Ненависть к Доминику, проведенному сеанс разоблачения, вспыхивает мгновенно: а он еще имел наглость сделать мне предложение, этот трус, этот жирдяй, этот мешок с удобрениями! Мазила, неудачник, грязная свинья!..

– Ты ошибаешься, Саша, – хрюкает грязная свинья. – Ты очень сильно ошибаешься.

– Нам не о чем больше говорить, Доминик.

Ослепленная ненавистью, я делаю то, что не должна была делать ни при каких условиях: я пинаю обломки, топчу ногами лицо Девушки С Девятью Жизнями, от которой еще недавно была без ума.

– Ты все разрушил! Разрушил!..

Доминик никак не реагирует на мою ярость. Он стоит в углу комнаты, с опущенными плечами, опущенной головой. Краска на его руках изменила цвет, теперь она вовсе не такая яркая, какой была вначале, наверное, то же самое происходит и с кровью, когда кровь становится воспоминанием.

Задерживаться здесь дольше не имеет смысла.

Я не жду, что Доминик окликнет меня, но он окликает:

– Саша!..

– Я пришлю Фатиму, она все уберет.

– Это ты все разрушила, Саша. Моя жизнь...

– Твоя жизнь – дерьмо!

Дерьмо. *Le merde* в чистом виде, без всякого вкрапления *l'amour*. Я торжественно провозглашаю это у входной двери, прежде чем захлопнуть ее за собой: что бы ни сказал сейчас

Доминик – ответа я все равно не услышу, а все его слова, отскочив от дерева, к нему же и вернутся.

...Алекс должен ждать меня в номере, так было условлено.

Вместо этого я застаю его у стойки, он о чем-то оживленно болтает с Фатимой, *флиртует с Фатимой*, черт возьми, уж не ревную ли я? Фатима тоже хороша: никакой пресловутой восточной сдержанности, никакой пугливости, круглое голое лицо смеется, круглый голый рот приоткрыт – и наказание за вольность не предусмотрено: марокканцы чрезмерно либеральны со своими женушками, рано или поздно это вылезет им боком. Я всегда считала Фатиму красавицей, достойной лучшей участи, чем быть женой повара при отеле, но теперь могу с уверенностью сказать: здесь ей самое место. Что успел сказать ей Алекс? Что-то забавное – она снова улыбается, прикрыв ладонями подбородок, их тыльная сторона украшена татуировками из хны, это может впечатлить кого угодно.

Алекс тоже попался.

Не потому ли он лезет в карман за портмоне и вынимает оттуда очередную десятку? Просто наблюдать за этим – выше моих сил.

– Фатима! – окликаю я девушку. – Зайди к хозяину.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Отнеси Наби рыбу и отправляйся к Доминику.

Ни на чем не основанная, никчемная ревность заставляет меня совершать одну глупость за другой. Я зачем-то повысила голос на Фатиму, зачем-то разговариваю с ней как с прислугой, хотя мы всегда были на равных. *Женщины, помогающие мужчинам справляться с делами.*

– Рыбу? – удивляется Фатима.

– Где пакет? – спрашиваю я у Алекса.

– Разве вы не видите?

Все правильно, я давно заметила и пакет, он стоит в ногах Алекса, слегка завалившись набок; прежде чем пакет переключит к Фатиме, необходимо изъять из него ключ. Что я и делаю, затратив на это чуть больше времени, чем следовало бы: простые механические движения призваны вернуть мне покой и равновесие.

– Какая муха вас укусила? – интересуется Алекс, когда мы остаемся одни. – Набросились на бедную девушку...

– Вы должны были ждать меня в номере...

– А теперь бросаетесь на меня! Что-то произошло?

– Пока не знаю. Фатима вас удивила?

– С чего вы взяли?

– Вы отдали ей десятку. Я видела.

– Это внеплановая десятка. Я просто купил у нее одну вещь.

– Какую же?

Вместо ответа Алекс перегибается через стойку и собирает плотные кусочки картона, оставленные Фатимой: мимо меня проплывают обе половины лошади, и оба *бабуша*, и дворец Бахия.

– Я купил у нее карты для арабского гадания.

– И вы уже знаете, как ими пользоваться?

– Конечно. Это несложно. Я научу и вас.

В руках Алекса карты преображаются: теперь они кажутся мне старинными, едва ли не раритетными, десять евро за такой подарок судьбы – сумма явно недостаточная.

– Четырём сторонам каждой карты соответствуют половинки четырех предметов. Лампа, кальян, дворец...

– Это Бахия.

– Все может быть. Персонификация предметов в данном случае меня не интересует. Только символика. Лошадь, полумесяц со звездой, кошка, верблюд и так далее. Всего двадцать карт. Укладываем по пять карт в ряд, получается четыре ряда. И смотрим, какие из половинок совпали. Их месторасположение значения не имеет – они могут совпадать и сверху, и снизу, важно, чтобы карты были соседними. Цельный рисунок даст нам ответ.

– Какой же?

– Полумесяц – исполнение желаний... Змея – наличие врагов. Лепешка – застой в делах, раскрытая книга – их расцвет. Как видите, все очень просто.

– Действительно просто. А что означают бабуши?

– Что такое бабуши?

– Туфли... Или башмаки, как вам больше нравится.

– А-а... Дорогу, конечно. Не самый сложный символ. Не самые сложные трактовки.

– Мне кажется, Фатима продешевила.

– Нисколько. Так что случилось с вашим другом?

– Несчастье...

Сказать сейчас о том, что доски с картинами уничтожены, означает выставить себя не только полной дурой. Но и обманщицей, *сраной мистификаторшей*.

– Несчастье... или скорее форс-мажор.

– Вот как?

– Досок больше нет. Этот идиот...

– Ваш приятель? – деловито уточняет Алекс.

– Да. Этот идиот, мой приятель, разбил их в щепы. Ни одной не осталось. Не знаю, что на него нашло. Полное помрачение сознания, не иначе.

Вопреки ожиданиям, Алекс никак не реагирует на мои слова.

– Мне очень жаль, Алекс. Вы приехали напрасно.

Даже тень на его лицо не упала, вот проклятье!

– Совсем не напрасно, Саша.

Ну почему, почему в его устах это снова не выглядит комплиментом, элементарным знаком внимания симпатичной женщине! или нет: женщине с изюминкой. Или нет: женщине – владелице ключа, поднятого со дна Атлантического океана.

– Во-первых, я получил чудесные карты. Во-вторых, чудесное письмо. И наконец, вы, Саша. Этого больше чем достаточно.

Я слишком расстроена, чтобы вовремя заметить странности, происходящие с Алексом Гринблатом: точнее, их можно отнести к странностям, которые происходят со мной. Здесь и сейчас. Здесь и сейчас улыбка Алекса начинает воспроизводить саму себя, почковаться, делиться; через короткий промежуток времени я уже окружена частоколом улыбок со всех сторон.

Отсюда не вырвешься.

Лучшего материала для мышеловки, чем улыбка Алекса, – не найти.

Я закрываю глаза и тотчас же снова открываю их: все в порядке, вот он, Алекс (в единственном экземпляре) и – что гораздо более важно – его смеющиеся губы. В единственном экземпляре. Должно быть, именно такими подвижными, гуттаперчевыми губами были наделены испанские и португальские миссионеры, обратившие в католицизм целый континент.

– Вы как будто совсем не расстроены, Алекс.

– Я и вправду не расстроен.

– Хотите, отправимся куда-нибудь вечером?

– Хочу.

...Я провожу вечер в одиночестве.

Подготовка к нему занимает всю вторую половину дня, я так ей поглощена, что вспоминаю о Доминике и обо всем случившемся всего лишь два раза.

Первый – когда нахожу под дверью небольшой конверт с жирным пятном в левом нижнем углу. Никаких вкладышей в нем нет. За исключением проклятого кольца, которым прямо перед моим носом поигрывал вчера Доминик и которое (как мне казалось) было удачно сплавлено Наби. И вот теперь оно снова вернулось ко мне. Проследить путь кольца не так уж сложно: честный парень Наби сунулся с ним к Доминику, а Доминик отфутболил его ко мне, да еще наверняка снабдил Наби конвертом. Интересно, это случилось до или после бойни? – выяснять у меня нет желания.

Я засовываю кольцо и конверт в ящик стола, вынимаю из пакета ключ и отправляюсь с ним в ванную. Ключу просто необходимо пройти обряд очищения от рыбьей требухи, к тому же она начинает явно подванивать: запах нерезкий, но он уже перешиб запах кухни, идущий от конверта. Конверт успел побывать на кухне у Наби, отсюда и пятно.

Под напором воды головка ключа обнажается, и я испытываю легкое разочарование. Она совсем не такая, какой я втайне желала бы увидеть ее: голова единорога, Вишну, медитирующий под священным деревом баньян, женщина-ящерица как праматерь сущего, воплощенное в геометрии число **двадцать один** как знак совершенства – ничего этого нет и в помине. Даже заваливший масонский символ мне не обломился. Головка ключа унизительно банальна: овал или неправильный круг, все ключи в нашем отеле имеют сходную форму, на переоснащение электронными у Доминика никогда не хватало денег.

Я кладу ключ на край раковины и тотчас же забываю о нем.

Новая, совершенно нелепая мысль посещает меня: прежде, чем отправиться на свидание с Алексом (вопреки всему я смутно надеюсь, что это – свидание), не мешало бы побрить ноги.

И кое-что еще.

О, боже! Если бы я бежала в Марокко с Японских островов и (по определению) была бы японкой, то зеркало в ванной отразило бы широкий рукав кимоно, прикрывший смущенное хихиканье. Но в зеркале я вижу только русскую, она не сумела ни покорить, ни удержать ни одного мужчину. И нет никаких предпосылок, что бритые ноги и *кое-что еще* сумеют переломить ситуацию. **«Откровенно говоря, дорогая, мне совершенно наплевать»**, – нечто подобное говаривал Ретт Батлер Скарлетт О'Хара, цитата номер один в мировом кинематографе. Алекс Гринблат знаком с ней наверняка.

Я – русская. Я все еще русская.

Несмотря на ввевшийся в кожу загар, несмотря на заметно (но не кардинально) посветлевшие на южном солнце волосы, глаза, наоборот, стали намного темнее, а у краешков губ... у краешков губ появились морщинки, как долго я не рассматривала себя в зеркале?

Три года.

Столько же времени меня не волновала небритость ног, потому и станком я не разжилась.

Ха-ха, станок можно было бы одолжить и у толстяка – и это *второе* воспоминание о Доминике. Не хочу больше думать о нем! Не хочу!

...Станок и два лезвия к нему обнаруживаются в стеклянном павильончике напротив отеля – у Джумы, брата Фатимы, мелкооптового торговца. Ассортимент павильончика не поражает разнообразием: сигареты, брелки для ключей, магнитные нашлапки на холодильник (обычно это верблюды в фесках с надписью «Coca-Cola»), прокладки, зубная паста, просроченное бисквитное печенье, фисташки в пыльных пакетиках и огромное количество бутылок с питьевой водой, торговля водой идет особенно бойко.

У Джумы я покупаю прокладки.

А теперь добавился еще и станок с двумя лезвиями, я полна решимости явиться на свидание с Алексом во всеоружии.

Я все еще пребываю в заблуждении, что это – свидание.

– Хотите, отправимся куда-нибудь вечером?

– Хочу.

«Хочу» – ключевое слово, его можно трактовать как угодно, вот только время, когда наступит «хочу», Алекс не уточнил.

Заодно не мешало бы узнать, когда начнется и сам вечер в понимании Алекса. Шесть – слишком рано, если я постучу в его номер в шесть – он точно запишет меня в нимфоманки (плюс бритые ноги и *кое-что еще*). Семь выглядит предпочтительнее, в семь я сойду за слушающую интеллектуалку в поисках собеседника (плюс бритые ноги и *кое-что еще*), еще один добавленный час окружит меня легким ореолом любительницы приключений, а до девяти...

До девяти можно и не дожить.

И будут ли в девять мои ноги таким же гладкими, как сейчас?

Нужно было воспользоваться эпилятором, но эпиляторы в забегаловке Джумы не продаются.

Перебрав все возможные варианты, я останавливаюсь на половине восьмого: все еще интеллектуалка, но и любительница приключений тоже. Именно в полвосьмого я тихонько стучу в номер Алекса – чтобы получить в ответ надменную тишину.

Тук-тук. Я не верю своим ушам.

Тук-тук. Я не верю своим глазам.

Тук-тук-тук. Он обманул меня, поганец, сукин сын!

Никчемное шелковое платье сразу же начинает жать мне в плечах, никчемная шаль удавкой затягивается на шее, никчемная сумочка для коктейля веригами повисла на сгибе локтя. Я вот-вот свалюсь со шпилек, купленных в Гостином дворе четыре года назад, за это время шпильки успели выйти из моды и снова зайти в нее. С черного хода. К Алексу Гринблату с черного хода не подберешься.

– Алекс? – просительно блею я. – Алекс, вы там?

Глас вопиющего в пустыне.

– Если вы там и не открываете, то знайте – вы сукин сын. Поганец. Дерьмо.

Le merde, со вкусом произношу я, следом за *le merde* выплывает *l'amour*, теперь они идут ноздря в ноздю, быстрым аллюром, хвосты развеваются, гривы спутаны, кто бы мог подумать, что в моей душе эти кобылки выступают дуэтом! И одна уже неотличима от другой.

Я не влюблена.

Но мне очень хочется влюбиться.

Тем более теперь, когда я наконец-то побрила ноги. Не пропадать же добру! Первые несколько шагов на шпильках даются нелегко, но до лестницы я дохожу в сносном темпе: не *быстрый аллюр*, но уже кое-что.

...Алекса нет ни в холле, ни на ресепшене, и слава богу, что нет. Я пока еще нахожусь в часовом поясе интеллектуалок, отличающихся тем, что никогда не устраивают пошлых бабских сцен, а меня так и тянет закатить сцену. Или курнуть травы. Или выпить. Или совершить какую-нибудь вселенскую глупость, воспоминания о которой будут согревать меня в почтенном возрасте *charmante petite vieille*. Воспоминания – отличное топливо, только они никогда не заканчиваются, а если угли начинают тлеть – в загатнике всякий раз найдется парочка сухих поленьев с любовными отметинами, сколами от преданной дружбы и пустотами, забытыми сувенирной продукцией стран Карибского бассейна с полуистлевшей куклой вуду во главе, она так и не пригодилась. Парочка сухих поленьев – и дело сделано, огонь снова весело гудит в топке, единственная опасность, подстерегающая всех, кто греется у открытого огня воспоминаний, – **можно угореть**.

* * *

...«ЛА СКАЛА».

Конечно, я отправляюсь именно туда.

С почти истерическим желанием напиться. Или курнуть травы. Или совершить какую-нибудь вселенскую глупость. Смехотворное препятствие в виде формулы «**для глупости нужны двое**» нисколько меня не смущает. Второй обязательно найдется. Я убеждаюсь в этом, слегка приоткрыв дверцу в респектабельный вертеп: абсолютно пустынный днем, сейчас он полон народу, в основном – европейцами, в основном – мужчинками. Официанты не исключение, нерасторопную утреннюю Кондолизу сменили бойкие гибкие мальчики с порочными физиономиями жиголо, представить их совершающими утренний намаз весьма затруднительно.

Еще один – главный – жиголо расположился у танцпола, настоящий восточный красавец, внучатый племянник Пророка, одного взгляда на его подвижное, тонко выписанное лицо достаточно, чтобы тотчас же принять ислам и всю оставшуюся жизнь посвятить борьбе с неверными. Странно, что он до сих пор не уехал в Европу, что до сих пор не кадрит толстомясых зажиточных шведок или сексуально озабоченных швейцарок, что вместо всей этой уймы прелестей ему досталась одна, к тому же довольно сомнительная – развлекать залетных посетительниц песенками из репертуара Брайана Адамса.

И пусть его, Брайан Адамс много лучше Брайана Ферри. А так же Филадельфия Коллинза и Элтона Джона с его дурацкой коллекцией очков.

Голос у парня и правда неплохой, быть может – слишком сладкий, от такого голоса легко не отделаешься, не избавишься, он застревает в зубах, подобно ириске, сколько ирисок можно съесть за раз? Жюль и Джим, горнолыжники из отеля, – вот кого я вижу за ближайшим ко мне столиком.

Джим сосредоточился на певце, в то время как Жюль окучивает миниатюрную девицу. Она – самая настоящая секси, релаксирующая Эммануэль, Барбарелла в изгнании, *такая* никогда бы не напялила на себя шелковое платье, никогда бы не набросила на плечи шаль, приобретенную по случаю на городском пляже по умопомрачительной цене семьдесят пять дирхам, уж не завидую ли я юному созданию? Ее блестящим волосам, спадающим на грудь крупными кольцами; ее умению обходиться без сумочки для коктейля, умению носить в ушах всякую дрянь с таким шиком, как будто это – бриллианты, уж не завидую ли я? Нисколько. Скорее я преисполнена сочувствия к Жюлю: прежде чем приступить к окучиванию, ему не мешало бы ознакомиться с инструкцией, они прилагаются к каждому серийному образцу Барбареллы-Эммануэль.

DANGEROUSLY!

INFLAMMABLE!

EXPLOSIVE!⁹

Для слабо видящих аршинные буквы или вовсе не умеющих читать предусмотрены еще и пиктограммы.

Жюль просто-напросто проигнорировал их и инструкцию заодно, до меня доносится вчерашняя история про взрыв в лондонском автобусе, рассказанная Франсуа Пеллетье, и еще одна

⁹ Опасно! Огнеопасно! Взрывчатое вещество! (англ.)

история – про sms-сообщение, отправленное двоюродным братом (по версии Жюль – это брат его приятеля, скромника Джима), и, под финал, я слышу печальную балладу о Мерседес, сладкой, как яблоко. Чертов Жюль взял ее напрокат у студентика Мишеля, теперь Мерседес – его возлюбленная, заколка и кольцо – вот и все, что осталось в память о ней, Жюль безутешен. Он был безутешен все это время, он страдал, и вот сегодня... сегодня свершилось чудо и он встретил девушку, так похожую на Мерседес, Джим может подтвердить это, не так ли, Джим?

Джим, покачивающийся на волнах музыки, рассеянно кивает.

Этого недостаточно, чтобы рука Жюля утвердилась на плече девицы, Жюль еще не знает, что бывает с теми, кто не читает инструкций по применению.

Я – знаю.

Взрывоопасная (**explosive!**) Барбарелла-Эммануэль прыскает в кулак и, качнувшись на стуле, с легкостью избавляется от руки Жюля. *Иногда такое случается, сквозь смех говорит она, и при других обстоятельствах я ни за что бы тебе не сказала, но и молчать невозможно. У меня тоже был парень, я и тоже любила его, и он тоже погиб. И я была безутешна.*

– И? – жаждет продолжения Жюль.

– На тебя он не похож. Но это не главное.

– А что же главное?

– А то, – девица заговорщицки понижает голос, – что он был одним из тех, кто подорвал мадридскую электричку. Возможно, ту самую, в которой тряслась твоя Мерседес. Даже скорее всего.

– Он был террористом-смертником?

– Тогда я этого не знала.

– Вот черт!

– Еще бы не черт. Я потрясена. А ты?

Жюль машинально кивает.

Правды в словах девицы не больше, чем в словах Жюля, но он просто вынужден реагировать на них – именно как на правду. Все, что для этого необходимо: скорбная гримаса, шумный вдох и шумный выдох. И залпом выпитый бокал, точно такие же стоят и перед Джимом, и перед девицей, жидкость в них – янтарного цвета, то ли бренди, то ли коньяк. После бренди (коньяка) Жюль фыркает носом, слегка поворачивает голову и замечает меня. Я поймана на месте преступления так же, как и сам Жюль: он споткнулся на жалкой манипуляции образом, придуманным не им, я – на подслушивании и подглядывании за этой манипуляцией. Я несколько не расстроилась.

Даже забавно.

– Теперь ты понимаешь, что между нами ничего нет и быть не может? Хи-хи, – дожимает Жюля Барбарелла-Эммануэль.

– Но...

– Поищи себе другую дурочку, сладкий мой. И в следующий раз придумай историю попроще. О'кей?

Девять из десяти человек на месте Жюля выглядели бы посрамленными, выбитыми из седла, но только не Жюль, я его недооценила. И десяти секунд не прошло, как он справился с

DANGEROUSLY ()! И – с **INFLAMMABLE** ()! И – с **EXPLOSIVE** ()!

– А чем плоха эта? – бросает он.

Барбарелла-Эммануэль отодвигает стул и поднимается. Она не считает нужным отвечать, она направляется к танцполу, на котором с микрофоном в руках топчется главный жиголо. И принимается топтаться вместе с ним, неожиданно прильнув к его телу и положив руку ему на плечо. Парень включается в игру, наградой чувственным обжиманцам служат дружные хлопки зала, улюлюканье и одобрительный свист.

Барбарелла-Эммануэль – редкостная сука.

Несмотря на всю эротичность образа. Гори ты огнем, редкостная сучка! И чтобы у тебя сгнили мочки – от копеечной бижутерии, которую ты носишь!.. Хочется верить, что Мерседес, смерть которой ты и подонок Жюль использовали как разменную монету, как повод пофлиртовать, была совсем другой. И Мишель наврал про дешевое кольцо. И про заколку тоже. И вообще – Мерседес, сладкая, как яблоко, до сих пор жива.

– Как вам эта сцена? – слышу я голос за своей спиной.

Это не Алекс (чего бы мне страшно хотелось) – Фрэнки.

– Вы про танец?

– По-моему, они уже свингуют. – Не дожидаясь приглашения, Фрэнки плюхается на стул рядом со мной. – Неплохо у них получается.

– Отвратительно.

– Не будьте злой, Саша. Вам это не идет.

Он знает, как меня зовут. Странно.

– По-моему, мы не были представлены друг другу.

– Были. Вы просто запамятовали, что заполняли мою карточку. «Франсуа Пеллетье, но можете звать меня Фрэнки». Помните?

Я пожимаю плечами.

– А ваше имя я случайно подслушал на ресепшене. У вас свидание?

– Не с вами.

– Утренний счастливчик?

«Утренний счастливчик» – Фрэнки имеет в виду Алекса, попался бы мне сейчас на глаза этот счастливчик! Но, учитывая мое настроение, я готова примириться и с Фрэнки.

– Все может быть.

– На его месте я бы поторопился.

– Вам-то что?

Фраза совсем не выглядит агрессивной, точки в окончании не предусмотрены – напротив, я наспиговываю ее вопросительными знаками (*вам? – то? что???*); вопрос предполагает ответ, пять вопросов предполагают пять ответов. Крючок и петелька, крючок и петелька, из этого при желании может получиться неплохое полотно беседы. А учитывая склонность Фрэнки к спонтанному ткачеству – и целый гобелен.

– Вдруг вас кто-то уведет? Прямо у него из-под носа? – Фрэнки понял мой замысел, и тоже жонглирует вопросами.

– Уж не вы ли?

– Я бы рискнул. Почему нет?

– Рискните. Почему нет?

Столь легкой победы Фрэнки явно не ожидал. Он совсем по-мальчишески шмыгает носом:

– Вы позволите угостить вас коньяком, Саша?

– Я не пью коньяк.

– Тогда, может быть, шампанское?

– Пожалуй.

Фрэнки проигрывает Спасителю мира по большинству показателей, в контексте Спасителя мира он будет *вечно вторым*, как и горнолыжник Жюль. Несомненно лишь одно: за шампанское мне платить не придется. Оставлять чаевые подошедшему официанту – тоже, Фрэнки уже о чем-то интимно шепчется с ним.

Оба при этом улыбаются, оживленно приподняв брови и поигрывая скулами: как будто речь идет не о заказе, а о чем-то таком, чему они были свидетелями или хотели быть свидетелями. Фрэнки и официант похожи на приятелей, выступавших за одну баскетбольную команду

в школе и имевших одних и тех же телок из группы поддержки, а вот теперь появилась еще одна. Которую сам бог велел разложить на составляющие: сиськи, задница и способность делать минет в полевых условиях. Отвращение к Фрэнки длится секунду, не больше, после чего я говорю себе:

все вечно вторые на короткой ноге с официантами, консьержами, горничными, портье и сантехниками, бесплотной службой аквариумов и террариумов, газонокосильщиками, почтальонами, раздатчиками полотенец; все они играли в одной баскетбольной команде.

Только Спасители мира никогда ни во что не играют. Они лишь сочиняют правила игры.

– Вы, я смотрю, успели стать здесь завсегдатаем, Фрэнки. И суток не прошло. Завидная прыть.

– Вас это раздражает?

– Нет. Просто вы разговаривали с официантом, как будто он ваш шурин. Или как будто вы вместе служили в Иностранном легионе.

– Я всегда отношусь к людям уважительно. Кем бы они ни были. Это не требует особых затрат, но всегда возвращается сторицей. Вот, к примеру, сейчас нам принесут лучшее шампанское.

– Так уж и лучшее!

– Лучшее, которое можно найти в этом городишке.

...Шампанское, появившееся на нашем столике через рекордные две минуты, действительно оказывается вкусным, или все дело в том, что я не пила шампанского много лет? Как бы то ни было, вполне невинный алкоголь сразу же ударяет мне в голову, не так уж он плох, этот Фрэнки! Не в пример лучше скотины Алекса, простой парень, легкий, веселый, с жизненной философией, которую можно только приветствовать.

К тому же у него отличная фигура, ни жиринки лишней, сегодня утром, когда он продефилировал мимо нас с Алексом в костюме для серфинга, я уже имела возможность в этом убедиться. Вечерний Фрэнки впечатляет не меньше: джинсы с налетом демократизма, черная рубашка с открытым воротом и мокасины, лишенные всякого пафоса. Фрэнки – не раб торговых марок и навязших на зубах брендов, и это тоже можно отнести в актив.

– Расскажите о себе, Саша, – воркует Фрэнки.

Еще один плюс – он просит рассказать о себе, вместо того чтобы сразу же начать грузить меня небылицами о таинственном прошлом в спецслужбах, о блестящей карьере наемного убийцы, о юношеских подработках в качестве порноактера и об одиночестве души и тела, которое я непременно должна скрасить. Хотя бы ближайшей ночью.

– Что вас интересует?

– Как такая симпатичная девушка могла оказаться здесь?

– Симпатичные девушки могут оказаться где угодно. Разве вам не говорил об этом ваш папа? Или ваш шурин?

– Что-то не припомню.

– Марокко показалось мне подходящей страной.

– Подходящей для чего?

– Чтобы здесь остаться.

– Навсегда?

– Возможно.

– Какая потеря для всех остальных стран!..

Шампанское.

Не будь его, сомнительной свежести комплимент показался бы мне пошлым, слащавым, но я смотрю на Фрэнки сквозь бокал, наполненный светлой жидкостью. И это вносит поправки в образ молодого человека с дивной фигурой: Фрэнки – *не второй*. Не исключено, что он

может оказаться первым и единственным, моей способности надираться одним бокалом слабоалкогольного напитка можно только позавидовать. А что было бы, если бы я согласилась на коньяк?..

- Вы улыбаетесь, Саша?
- Глупо хихикаю, так будет точнее.
- Я несусь вздор?
- Шампанское. Оно ударило в голову, только и всего.
- Тогда повторим?
- Валяйте.

После второй порции мне становится еще веселее, и я пытаюсь сосредоточиться на деталях, ускользавших от меня раньше. Руки. У него красивые, сильные руки, хоть артистичными их не назовешь, пальцы не длинные, но и не коротышки какие-нибудь; Фрэнки счастливо избежал увлечения перстнями с туманной символикой, медальонов на шее тоже не наблюдается – ничего, что могло бы спровоцировать юношу на сказочку с рефреном: **все это было прошлой осенью, когда я путешествовал по Тибету в поисках следов пропавших там трех тысяч эсэсовцев, как? вы до сих пор не слышали истории о чаше Святого Грааля?..**

Не слышала и слышать не хочу.

И уж тем более не хочу видеть, что время от времени Фрэнки исподтишка косит глазом на неумную Барбареллу-Эммануэль. Она бросила жиголо с микрофоном и теперь лихо отплясывает сама. Это не румба, и не самба, и не танец живота, но каждое движение выдает в ней профессиональную танцовщицу. Когда-то оставившую свое ремесло ради других, гораздо более прибыльных ремесел. И вот теперь подвернулся случай вспомнить старое, так почему бы не использовать его на полную катушку? Неясно, насколько согласуются с музыкой хлопки ее ладоней, и покачивание бедер, и дробь, которую выбивают пятки, но так ли это важно?

Совсем не важно.

Важно, что она подчиняет музыку себе, ведет ее за собой, при желании она могла бы проделать то же самое и со всеми присутствующими, а может быть, уже проделала, уж не завидую ли я?.. Облегчение наступает лишь тогда, когда звуки музыки сходят на нет и замирают. Громче всех аплодирует Жюль, Джим ограничился рыком, больше приличествующим футбольным болельщикам, даже официанты не остались в стороне, и только Фрэнки... Только Фрэнки абсолютно спокоен, или нет – *абсолютно удовлетворен*. Он не пошевелил и пальцем, он не взглянул на девушку, как делал это несколько раз на протяжении танца, но он удовлетворен. Полон самодовольства. Подобно тренеру, чья подопечная заняла место на пьедестале, *именно этого я и ждал от тебя, моя малютка*.

- Прелестное создание, – цежу я сквозь зубы. – Не хватает только бубна и козы.
- Козы? – удивляется Фрэнки.
- Козы, – подтверждаю я. – И бубна. Как у Виктора Гюго, в «Соборе Парижской Богоматери». Помнится, героиня там была танцовщицей.
- А-а, – он пожимает плечами.

Определенно книжки – не самая сильная сторона Фрэнки, но существует еще и мюзикл с кинофильмом, существует, наконец, знаменитый музыкальный номер «**Belle**», все радиостанции крутят его с завидным постоянством. Даже здесь, в Эс-Суэйре.

- Танцовщицу звали Эсмеральдой.
- Ясно. И с бубном все более или менее понятно. А что делала коза?

Проклятье, судьба козы вылетела у меня из головы, и теперь уже не вспомнить, читала ли я Виктора Гюго или только слушала сладкоголосую паточную вставку «**Belle**». Второе наиболее вероятно, но в угол меня Фрэнки не загонит. Дудки.

- Вы знакомы? – спрашиваю я у него.
- С кем?

– С этой девушкой.

– С чего вы взяли?

– Мне показалось, что...

– Вам показалось.

– Наверное. Но девушка превосходна, не правда ли?

– Сегодня я вижу только одну девушку. И эта девушка сидит сейчас передо мной...

Браво, Фрэнки! Как лихо ты заметаешь следы, как быстро стираешь с физиономии все, что могло бы тебя скомпрометировать. А впрочем, это можно отнести к химическим свойствам жидкости, через которую я смотрю на Фрэнки. Все не так, как казалось мне минуту назад.

Вот и ответ.

– ...к тому же очень проницательная девушка.

Еще один ответ, вступающий в противоречие с полученным ранее. Неужели я оказалась права?

– В чем же заключается моя проницательность?

– Я действительно служил в Иностранном легионе, вы угадали.

– Будете пичкать меня историями о тяготах спецопераций в странах Индокитая и экваториальной Африки?

Вот оно! Спецслужбы, киллерство, порноэкзерсисы перед камерой как мостик к сегодняшнему одиночеству души и тела, а теперь еще и Иностраннный легион, я – *старый солдат, мэм!*.. Не разочаровывай меня, Фрэнки, дружочек!

– Не буду, – Фрэнки готов подыграть не только моим словам, но и мыслям. – Тем более что моя служба ограничилась двумя неделями в учебном лагере. А потом я просто смылся.

– Что так?

– Нагрузки. Они оказались не по мне.

– Зачем же вы вообще туда сунулись?

– Хотел испытать себя и потерпел фиаско.

Остальные испытания, выпавшие на долю Фрэнки, выглядят не так воинственно: диджей на Ибице, сотрудник дельфинария, рекламный агент по продаже сухих строительных смесей, менеджер в фирме по изготовлению сейфов, менеджер в фирме по производству сыров, сомелье, из всего вышперечисленного меня интересуют лишь дельфины.

У дельфинов гладкая резиновая кожа, они ласковы и привязчивы, как собаки, они умеют улыбаться, они всегда оптимистичны, всегда позитивно настроены, и – отверстие в голове, из которого дельфины выпускают фонтанчики воды! оно похоже на пупок. Обо всем этом я хочу слышать из первых рук. Милые подробности, детали (о них ни в одной книжке не прочтешь), забавные сценки, скрытые от глаз простых посетителей. У Фрэнки должен быть свой личный опыт общения с дельфинами, призванный обогатить и мой собственный личный опыт.

У дельфинов гладкая резиновая кожа.

Они ласковы.

Они привязчивы, как собаки —

вот и все, что удалось выудить из Фрэнки, сотрудника дельфинария. Даже я, видевшая дельфинов только на экране телевизора, знаю о них больше. Отверстие в дельфиньей голове, о котором я вскользь упомянула, вызывает у Фрэнки неподдельное изумление. После чего он произносит, глядя в пространство перед собой:

– В дельфинарии я продержался еще меньше, чем в учебном лагере Иностранного легиона.

– Тоже хотели испытать себя и потерпели фиаско?

– Всему виной сырая рыба. Оказалось, что я просто не выношу ее запах. А дельфинов нужно было кормить сырой рыбой.

– Говорят, что дельфины умеют улыбаться. Это правда?

– При мне ни один не улыбнулся.

Разговор о дельфинах можно считать исчерпанным. Что будет, если я спрошу о сухих строительных смесях? Скорее всего, они вызывали у Фрэнки ту же аллергическую реакцию, что и сырая рыба. Сыр – еще один повод для аллергии. А ничем не пахнущие металлические сейфы? Возможно, Фрэнки раздражал скрип петель или скрежет ключей в замке, а если замки были кодовыми или снабженными индикаторной панелью?..

– Вы наверняка в состоянии взломать любой сейф, Фрэнки!

– Хотите, чтобы я преподавал вам урок мастерства?

– Просто любопытно.

– Я не взломщик, а всего лишь менеджер по продажам. Вернее, был им.

– Недолгое время, – улыбнувшись, замечаю я.

– Очень недолгое.

– А чем вы занимаетесь сейчас?

– Смотрю на самую красивую девушку.

Хи-хи-хитрец!.. При других обстоятельствах я подобрала бы другое слово, безмозглое шампанское, оно всему виной! Всосав в себя еще один бокал, я вдруг вспоминаю, каким образом алкоголь воздействует на мою кожу. Она краснеет. И всегда краснела. Кровь, идущая носом, – еще один побочный эффект неумеренных возлияний. Сегодняшний вечер вряд ли можно считать чем-то из ряда вон, чтобы не повторилась та же история. А значит – **я сижу перед Фрэнки с распаренной мордой.**

И мое пролетарское происхождение машет ему со щек кумачовыми флагами (надеюсь, что хоть нос не подведет). При таких выходных данных назвать меня красивой... м-м-м... верх неприличия. И логика здесь одна: Фрэнки просто необходимо затянуть меня в постель, а для этого все средства хороши. Включая грубую лесть.

– Вы хитрец, Фрэнки!

– Вы меня обижаете, Саша!

– Красавица здесь одна...

Барбарелла-Эммануэль, кто же еще!

Я шарю глазами по танцполу, потом переключаюсь на столики (Жюль и Джим на месте), потом – на галереи второго этажа – девушка как сквозь землю провалилась. Исчезла. И я не заметила – как. Странно, очень странно, так просто танцовщицы *high-класса* не исчезают, а если исчезают, то прихватывают с собой все, что под руку попадет: сердца зачарованных посетителей (они сойдут для набоек на каблук), удивленные, вытянутые в трубочку губы (из них сооружается панфлейта для младшего брата, клянчившего гитару к Рождеству), расширенные зрачки (нестерпимо сверкающие – чем не сказы на юбку?), а еще тесьма, а еще пояс, а еще искусственная роза, дополняющая сценический костюм, – расходного материала требуется много, оттого и потрошишь обмякшие тела поклонников. Не думаю, чтобы кто-то особенно обижался.

Я могла бы обсудить это с Алексом.

И саму танцовщицу.

И Жюля с его приятелем Джимом, мелких воришек чужих трагедий. Вот только конвертировать трагедии в твердую любовную валюту удастся далеко не всегда. Жюль и Джим пролетели. Теперь им придется искать совсем других дурочек (как предрекала девчонка) – и это тоже я могла бы обсудить с Алексом; каким образом на столе оказалась вторая бутылка, к тому же наполовину пустая?.. Фрэнки подливает и подливает, а сам почти не пьет, так – смачивает губы. Хи-хи-хитрец!..

Алекс – совсем не то, что Фрэнки. Алекс несколько бы не удивился, если бы я рассказала ему о своих праздных мыслях по поводу девушки и сердец, загнанных под каблук. Он нашел бы это забавным и стоящим внимания и, возможно, сам бы включился в игру. А Фрэнки,

что Фрэнки? Он не справился с дельфинами, отрекся от сухих строительных смесей, подавился головкой сыра, сломал зубы о металлический сейф, а его хваленое диджейство на Ибице? Наверняка при приближении Фрэнки к аппаратуре свет отключался по всему побережью! Его единственное достоинство – фигура, так что я делаю здесь? Коротаяю вечер в мечтах об Алексе Гринблате.

Вот что.

На месте Фрэнки мог оказаться любой (Жюль и Джим – досадное исключение), на месте шампанского могли оказаться ром, или водка, или минеральная вода, а я все так же думала бы об Алексе.

Живчик Фрэнки ничего от меня не добьется.

Ни-че-го. Хи-хи.

Дорого бы я дала, чтобы заглянуть сейчас в зеркало и увидеть собственную неприступную физиономию. Скучающую физиономию. Физиономию, способную отпугнуть потенциальных поклонников: пустые глазницы, отрешенная ухмылка на губах, никакой – даже формальной – заинтересованности в собеседнике.

Зеркала не врут.

А Фрэнки, похоже, устал притворяться. Или посчитал, что выпитого мной достаточно, чтобы и дальше утруждать себя ролью воздыхателя. Пустые глазницы, отрешенная ухмылка на губах и никакой – даже формальной – заинтересованности в собеседнике. Он пришел в «Ла Скала» вовсе не для того, чтобы весело провести время с первой подвернувшейся юбкой. И вовсе не для того, чтобы поднять кого-нибудь на ночь.

Фрэнки чего-то ждет.

Чего-то или кого-то.

Открытие, лежащее на поверхности, потрясает меня настолько, что я моментально трезвею.

– Вы... – В решимости вывести Фрэнки на чистую воду мне не откажешь. Но в тот момент, когда я уже готова сделать это, раздается звонок. Фрэнки делает извинительный жест рукой и вынимает мобильник из заднего кармана джинсов.

У Алекса Гринבלата, знаменитого галериста и Спасителя мира, нет мобильного телефона, почему-то думаю я. Его костюм стоит целое состояние, сожравшее бы половину парагвайского бюджета, в его туфли можно смотреться, как в воды Мексиканского залива, его холерное лицо украшает страницы журналов (я держала в руках один, но есть ведь и другие!) – и только с мобильным телефоном вышла неувязка. Да что там неувязка – вопиющее несоответствие с образом. Богатые и знаменитые (а Алекс относится именно к этой категории людей) связаны с миром, которым они правят, незримой сотовой пуповиной. Я провела с ним несколько долгих часов; я была с ним вечером, когда разрабатывается стратегия, и утром, когда определяется тактика, – и ни одного звонка. Ни единого.

Занятая мыслями об Алексе, я не сразу переключаюсь на Фрэнки.

Он все еще разговаривает по телефону, и в этом разговоре тоже есть странности. *Франсуа Пеллетье* – это имя было внесено мной в регистрационную карточку. *Фрэнки* – представился он сам. Но ни английских, ни французских слов я не слышу. И уж тем более арабских. Язык, на котором изъясняется Фрэнки, мне совершенно не знаком.

За редкими исключениями, смутными ассоциациями, всплывающими то тут, то там, подобно прогалинам в подтаявшем снегу. Мне чудится что-то южноевропейское (сербское? хорватское?), в следующий момент я сползаю к чешскому, за три года, что я провела в Эс-Суэйре, мне ни разу не приходилось спотыкаться о столь причудливые корни.

Слова и предложения, раз за разом выливающиеся изо рта Фрэнки, преобразуют и его самого. До телефонного звонка Фрэнки был всего лишь обладателем дивной фигуры, завсе-

гдатаем бирж труда, менеджером-неудачником, не сделавшим карьеры даже в параллельной вселенной сейфов и сухих строительных смесей, но теперь...

Он солгал мне.

Насчет Иностранного легиона, как минимум.

Он вполне мог служить там. И не рядовым членом – инструктором. С кучей нашивок и шевронов, с орденской планкой в четыре ряда, с ременной пряжкой, приводящей в трепет новобранцев. Корни слов, которые изрыгает Фрэнки, достались мне, но побеги, идущие от корней, – остались в нем. Они-то и образуют новый каркас внутри дивной фигуры.

Фрэнки собрался.

Его лицо – не что иное, как иллюстрация к долгоиграющей саге *на секретной службе Ее Величества*. Его лицо – не что иное, как утерянный куплет к шлягеру *Завтра Не Наступит Никогда*. Глаза Фрэнки больше смахивают на оптические прицелы снайперской винтовки, если он и имел дело с дельфинами – то с совершенно особенными, состоящими на секретной службе Ее Величества. Дельфинами, натасканными на установку магнитных мин на днища кораблей, кто в таких случаях будет умиляться отверстиям в их гладких резиновых головах, кто будет ловить их улыбки?

Никто.

В круг обязанностей людей, подобных Фрэнки, дешевый романтизм не входит.

Так какой же из языков демонстрирует мне этот агент влияния – сербский? хорватский? чешский? не забыть бы поинтересоваться, когда беседа наконец закончится.

Она заканчивается самым неожиданным образом – Фрэнки произносит фразу:

Эсто эн ламьерда!!! —

и отключается. И несколько секунд смотрит перед собой невидящими глазами.

Пустыми глазницами. Уфф!..

Я знаю, что такое «*estoy en la mierda*», хоть какое-то облегчение. Время от времени, когда наваливается очередное несчастье с кондиционерами, или ломается очередной замок, или наступает очередной сезон закупки постельного белья, Доминик (никогда не бывший полиглотом – куда ему до Фрэнки!) впадает в отчаяние и лепечет: «*estoy en la mierda*» – **я в полном дерьме!**

Неизвестно, где Доминик подцепил столь чудное испанское выражение, испанцы к нам не забредают. В устах Доминика оно звучит пугливо, изнеженно и как-то совсем по-женски, относиться к нему серьезно я не считаю нужным. Постельное белье – тоже мне, проблема!

Возможно, проблемы Фрэнки куда глобальнее.

– У вас неприятности? – осторожно спрашиваю я.

– Почему вы так решили, Саша?

Фрэнки уже взял себя в руки, увольнение с секретной службы можно считать делом решенным: передо мной снова покачивается расслабленная физиономия менеджера-неудачника.

– Я просто услышала последнюю фразу.

– Вот как. Нет, все в порядке.

– Но...

Фрэнки морщится, ему неприятно мое любопытство. Я и сама чувствую, что пора бы сменить тему и отойти от опасного края, но какая-то неведомая сила тянет меня за язык:

– ...не каждый день говоришь о себе такое. Нужен веский повод, согласитесь, Фрэнки.

Или лучше звать тебя Франсуа? Или лучше звать тебя... как? Теперь я ни в чем не уверена. Ни в чем. В том-то и прелесть, нашептывает мне выпитое шампанское, последние сутки стоят трех лет, проведенных в патриархальном покое Эс-Суэйры. Стоило лишь ненадолго отпустить поводья, и вот, пожалуйста, в мою жизнь вторглись сразу двое!.. А сколько было отвергнуто, сколько принесено в жертву прошлой, давно несуществующей любви, разве я не дура

после этого? Дура. Я ни разу не каталась на доске для серфинга (а могла бы!), ни разу не вышла в открытый океан (а могла бы!), я не совершила ни одной глупости, которую может позволить себе женщина при снисходительном попустительстве мужчины. Блеклое ресторанное приключение, которое я переживаю с Фрэнки, не идет ни в какое сравнение с тем, что я могла бы пережить с Алексом Гринблатом, но неужели мне не хватит фантазии, чтобы расцветить, разукрасить его?

Помнится, Алекс хвалил меня именно за воображение.

– Ладно, Фрэнки, не напрягайтесь. Не хотите рассказывать – не нужно.

– А нечего рассказывать... Вы знаете испанский?

– Только эту фразу.

– Забавно.

– Так любит выражаться один человек...

Я впервые не называю Доминика своим другом. После того что он учудил с досками – никакой он мне не друг.

– Испанец? – уточняет Фрэнки.

– Нет. Он даже не чех. И не серб. И не хорват.

Как же ловко я вплела в ничего не значащий треп свои догадки по поводу телефонного разговора! И как непринужденно запила их остатками шампанского, теперь остается ждать реакции Фрэнки, если, конечно, она последует.

Не очень-то я на это надеюсь.

– У вас особые отношения с чехами, сербами и хорватами?

– Никаких особых отношений. На хвост они мне не наступали. А вам?

– Мне тем более. – Фрэнки откидывается на спинку стула. – Вы интересная девушка, Саша. Очень, очень интересная. Я бы хотел познакомиться с вами поближе.

Ты меня не обманешь, Фрэнки. Мужчины, жгуче заинтересованные в женщинах, ведут себя совсем по-другому.

– Мы можем приступить к сближению прямо сейчас. Если вы не возражаете.

– Нисколько.

– Тогда давайте уйдем отсюда.

– Хотите вернуться в отель? Или отправимся сразу к вам?

– Это одно и то же, Фрэнки.

Вряд ли Фрэнки этого не знает. Но... не слишком ли я поторопилась со сближением?

– А что, если мы заглянем в форт?

– В форт?

– Это местная достопримечательность. Смотровая площадка и шикарный вид на океан.

Если он скажет мне: «Оставим туземные прелести туристам» или что-то в этом роде, – я просто развернусь и уйду, высокомерных глупостей я услышала сегодня предостаточно.

– Даже ночью? – спрашивает Фрэнки.

– Океан хорош всегда. А ночью особенно. В отсутствие людей.

– О'кей. Форт так форт.

– Тогда идем?..

Я поднимаюсь прежде, чем он успевает ответить мне, я издала машу рукой Жюлю и Джиму, мой рывок к выходу из «La Scala» можно считать бегством. Или страстным желанием заполучить книжку-раскраску нашей с Фрэнки гипотетической связи. Я сама буду подбирать цвета, я сама буду накладывать их, мазок за мазком, – в чем, в чем, а в этом, прожив три года рядом с сумасшедшим художником Домиником, я разбираюсь.

Пришло время подтвердить теорию практикой. И никто меня не остановит. Никто.

...То, что я поначалу приняла за шум океана, – всего лишь ток крови, бросившейся мне в голову. Я едва держусь на ногах, пришлось даже прислониться к стене, чтобы не упасть. Ожи-

дание затягивается, по моим подсчетам Фрэнки мог расплатиться пять, а то и десять минут назад – а впрочем, я не совсем уверена, все из-за тока крови, шумящей в голове. Она циркулирует в убыстренном темпе, и, чтобы хоть как-то отвлечься, я начинаю представлять *Франсуа Пеллетье* в разрезе спальни, нужно ли будет расстегивать пуговицы на его рубашке или это сделает он сам? Нужно ли говорить ему, что я три года не занималась любовью, или лучше промолчать? Останется ли он на ночь или уйдет к себе, *когда все закончится?* А если останется, то каким будет утро?

И что я скажу ему утром?

Научи меня ловить волну, милый.

«Милый», несомненно, подойдет.

Фрэнки, милый.

Милый, милый, милый, твержу я себе, а если твоя кожа окажется такой же гладкой и резиновой, как кожа дельфинов, я не пожалею ни о чем.

– ...Саша!

Голос Фрэнки, немного взволнованный, выводит меня из транса:

– Куда же вы пропали? Я подумал, что вы не дождались меня.

– Я подумала то же самое. Идемте, Фрэнки.

...До форта не больше десяти минут ходьбы.

Я выбрала этот путь из пяти возможных, он самый романтический. Есть еще самый короткий и самый длинный, есть еще самый забавный и самый хорошо освещенный – они ведут к отелю, и форт остается в стороне. Но если ты устремляешься *по самому романтическому пути* – верхней оконечности Скалы дю Порт не миновать. То есть она и есть суть и цель пути, конечная остановка маршрута – об этом я говорила Фрэнки еще в ресторане. К форту ведет крытая галерея (одна из многих крытых галерей, по совместительству являющихся и улочками, исторический центр Эс-Суэйры наводнен ими).

Лестница, по которой мы поднимаемся в крошечной тьме, кажется бесконечной.

– Что будет в конце пути? – спрашивает Фрэнки.

Его дыхание не сбилось от подъема на высоту, оно остается ровным и спокойным, еще один аргумент в пользу молодого человека: *Фрэнки вынослив.*

– Смотровая площадка.

– А-а... С пушками, да?

Толстые оружейные стволы, отлитые из чугуна, стоят там с незапамятных времен, узкие бойницы пялятся на океан столетия. Толщина стен впечатляет, на камнях между зубцами можно вытянуться в полный рост: с любимой девушкой, с альбомом для эскизов и просто так. И долго лежать, запрокинув лицо в небо и забросив руки за голову.

Почему я никогда не делала этого?

– Я читал о площадке в путеводителе.

– Здесь снималась одна из киноверсий «Отелло». Не помню, какая по счету.

Преодолев последнюю ступеньку, мы оказываемся на открытом пространстве, но света от этого не прибавляется. Нет ни луны, ни звезд, хорошо видных в пустыне, в нескольких сотнях километров отсюда. Все дело в географическом положении Эс-Суэйры, океан гонит к берегу не только волны, но и облака. Утра здесь туманны, а ночи темны. Вот и сейчас я не вижу Фрэнки, хотя он стоит в метре от меня. Не приближаясь ни на шаг.

– Обычно здесь горят прожектора, – говорю я ему. – Но сегодня их почему-то не включили.

– Ничего. Так даже лучше.

Ничего не лучше. Темнота окружает меня со всех сторон, хватает за горло, заставляя забыть, что совсем рядом – город, со светом, идущим от дверей лавок, от летних кафе на площадях, от окон гостиниц, никогда еще я не чувствовала себя такой одинокой. А надеяться

на то, что глаза привыкнут к темноте, контуры площадки вырисуются точнее и одиночество отступит... Надеяться на это не приходится. Во всяком случае, такого со мной в полной темноте еще не случалось. Ни разу.

Океан шумит, не умолкая.

Сгустившаяся чернота ночи не дает никаких ориентиров, оттого и кажется, что океан не только внизу, но и вверху, и справа, и слева. В мире нет ничего, кроме океана.

– Фрэнки, – жалобно зову я. – Где вы, Фрэнки?

– Я здесь, – тут же откликается он.

Пожалуй, кто-то все-таки есть.

Кто-то, способный противостоять и океану, и моему одиночеству. Он обнимает меня за плечи, касается губами затылка, наматывает на палец прядь моих волос.

– Здесь хорошо, – шепчет мне Фрэнки.

– Как будто мы одни во всем мире.

Я больше не боюсь выглядеть пошлой или банальной, здесь, в полной темноте, Фрэнки все равно ничего не заметит.

– Одни во всем мире, – вторит мне он. – Если бы это было так...

– Если бы это было так...

– Многие проблемы отпали бы сами собой.

Вот оно – я в объятьях мужчины!

В самом романтическом месте мира (романтичнее лишь прогулка на гондоле по каналам Венеции, романтичнее лишь поездка по канатной дороге в Швейцарских Альпах – вакантных мест туда в свое время не нашлось, но я ни секунды не пожалела об этом). В самом романтическом месте, в самую беззвездную ночь.

Кожа у Фрэнки совсем не дельфинья, но все равно – приятная на ощупь, может быть – слегка горячая, даже ветер с океана ее не остудил. Все происходит по классическим канонам первого поцелуя с роковым незнакомцем – единственное, что смущает меня, – ровное и спокойное дыхание.

В противовес пламенеющей коже, губы Фрэнки холодны как лед, и это заставляет думать о других – недоступных, недостижимых губах.

Алекс Гринблат, сукин сын.

Я все еще мечтаю об Алексе Гринблате, сдержанный поцелуй несколько меня не отвлек, а еще темень вокруг! Благословенная темень, она дает возможность представить перед собой совершенно другое лицо, Господи, сделай так, чтобы, когда мы наконец-то выйдем на свет, рядом со мной оказался бы Алекс!

Этого не будет. Никогда.

А Фрэнки – небольшой специалист по поцелуям. Из института, где дисциплина «Целуйте девушек!» была профилирующей, его выперли за профнепригодность. Мои губы отталкиваются от его губ (по-прежнему холодных) с явным облегчением. Да и сам Фрэнки вовсе не горит желанием продолжить любовную игру. Он выпускает меня из рук и снова становится невидимым, неосязаемым.

– Вы слышали, Саша?

– Что?

– Здесь кто-то есть...

Ночь, окружающая нас, абсолютно непроницаема. Глухое ворчание океана монотонно, я не слышу ни одного шороха, ни одного звука, кроме рокота волн. Кому придет в голову торчать здесь в полной темноте? Разве что влюбленным парочкам, но никакой угрозы влюбленные не представляют, разве что для самих себя.

– Никого здесь нет, Фрэнки. Туристы уже спят или резвятся в клубах, а местные сюда практически не заглядывают.

– Секунду, Саша!..

Секунда по Франсуа Пеллетье.

Она длится гораздо дольше, чем самая долгая секунда по моему, никак не структурированному, ленивому времени. Единственное, чему я научилась у марокканцев за три года – так это вольно обращаться с часами и минутами. И жить с мыслью, что время – не линейно, что временем может быть (может стать) все, что угодно. Любая вещь. Странно, что я до сих пор не обсудила эту тему с Ясином – или с Хакимом и Хасаном на худой конец. Цена времени – двадцать дирхам, или тысяча двадцать дирхам, или мешок специй, или три корня имбиря; исходя из того, как долго длится секунда Франсуа Пеллетье, он задолжал мне все это богатство, включая имбирь, а еще – хну для татуировок, одеяло из верблюжьей шерсти и парочку кредитных карт «Visa».

Поцелуи в качестве оплаты я больше не приму.

– Фрэнки! – зову я, когда все сроки ожидания выходят. – Фрэнки, вы где?

Фрэнки не отзывается.

Вывод, который напрашивается первым: он решил напугать меня.

Довести девушку, застрявшую в темноте, до полуобморочного состояния, чтобы потом внезапно возникнуть перед ней и, расхохотавшись, заключить в объятия. Такие трюки иногда проделывают герои фильмов ужасов, ничем хорошим это не заканчивается. В последней четверти фильма они непременно нарываются на убийцу в маске и с кухонным ножом в руке, а из объятий кухонного ножа уж точно не вырвешься.

Мне не страшно. Мне совсем не страшно.

– Фрэнки!.. Не очень-то вежливо с вашей стороны...

И снова мой призыв повисает в воздухе, я должна бы испытывать гнев, но вместо этого испытываю облегчение.

Мне больше не придется целоваться с Франсуа Пеллетье.

– Я возвращаюсь, Франсуа! Встретимся внизу!

До низа еще нужно добраться. В темноте, со сбитой системой координат это кажется весьма проблематичным. Куда мне направиться? вправо, влево, вперед, назад? Я закрываю глаза (рисунок ночи остается тем же) и пытаюсь мысленно представить площадку. Не так уж она велика – метров тридцать в диаметре, с двумя лестницами по бокам. Одна – та самая, по которой мы поднялись сюда, есть еще и вторая, *не крытая*, найти ее было бы настоящей удачей. Улица внизу худо-бедно освещена, свет падает и на нижнюю часть лестницы. А значит, я смогу спуститься без риска подвернуть ногу или сломать шею. Итак, цель номер один – лестница.

Если я буду двигаться по прямой, то рано или поздно упрусь в стену (или в прорезь между зубцами, или в орудийный лафет – не важно). Это и послужит точкой отсчета. И в конечном итоге приведет меня к лестнице.

– Черт возьми!

Я кричу, чтобы подбодрить себя, не на французском, не на арабском – на русском, отставленном за ненадобностью, но не искорененном окончательно. Напрасно я жду, что звук моего голоса осветит ночь яркой вспышкой, – чуда не произошло.

– Черт, черт, черт!..

К Фрэнки мой крик не относится.

*Отправились в далекий путь
Котенок со щенком.
Понохатъ это, то лизнуть,
Погнать за клубком...*

Я не вспоминала этот стишок лет двадцать пять, никак не меньше. Из всего множества стихов, которые я читала в детстве, стоя на табурете перед подвыпившими гостями, остался только он. Подходящее к случаю воспоминание – *котенок со щенком*.

Роль котенка подойдет мне больше, тем более что щенки оказались неважными компаньонами и отвалились – один за другим. Сначала Алекс, потом Фрэнки, настоящие уроды!.. Придется самой искать кончик нити на клубке, о-о, вот и он!.. пальцы касаются поверхности стены, все остальное происходит согласно намеченному плану. Мрак, в котором не видно ни зги, еще немного мрака (хорошо бы добавить его в хну для татуировок), еще немного мрака (хорошо бы придать ему форму корня имбиря) и еще немного...

Нужно потерпеть.

Хотя выложенная гладкими, отполированными плитами стена кажется бесконечной.

Отправились в далекий путь котенок со щенком.

Я двигаюсь вперед мелкими шажками, самое страшное, что может грозить мне, – первая ступенька лестницы. Нужно вовремя сообразить, что под ногами пустота, и умудриться не потерять равновесия. Разница между мной и котенком состоит в том, что кошки видят в темноте.

А я – нет.

В так и не рассказанном сне Ясина тоже фигурировали кошки.

И это было связано со мной. Магрибский колдун Ясин посчитал кошек дурным предзнаменованием, не к месту я подумала о его сне! Совсем не к месту. Что, если пришла пора сну воплотиться в явь? и пространство подо мной и вокруг меня кишит животными на мягких лапах, с мягкой шерстью, готовых вцепиться мне в глотку, в глаза, навсегда лишит меня способности видеть?

Какая чушь! Тем более что я и так ни черта не вижу.

Шум океана тоже не ориентир. Других звуков нет. Хотя...

В какой-то момент я явственно слышу шорох за спиной. Грациозные и бесшумные кошачьи тела такого шороха не издадут. И потом – запах. Нерезкий запах мужского одеколona, возникший на долю секунды и так же быстро исчезнувший. Помнится, во время нашего неудачного поцелуя от Фрэнки пахло чем-то похожим, или это был не Фрэнки? Или мне просто хочется вывести Фрэнки на чистую воду, вот я и решила нащупать его при помощи мимолетного запаха.

– Фрэнки? Это вы, Фрэнки? Прекратите меня разыгрывать. Так нечестно. Нечестно.

Ответа не последовало. А шорох и запах одеколona (здравствуйте-пожалуйста!)... Их можно приписать моему не в меру расшалившемуся воображению.

В прошлой (русской) жизни я курила. Не самая лучшая привычка, отказаться от которой стоило больших усилий. Все это время я гордилась своим маленьким подвигом, теперь же костерю себя за неосмотрительность. О, если бы я курила до сих пор! Если бы я курила – в моей сумочке сейчас лежали бы не только сигареты, но и зажигалка. Или спички. Одно движение, один щелчок кремня – и огонь был бы извлечен, и тьма вокруг меня перестала бы быть тьмой. И фильм – со мной в главной роли – плавно перетек бы из категории страшилок в разряд комедии положений.

По всем моим расчетам лестница должна быть где-то здесь. Если в ближайшие полминуты я не нащупаю ступенек – можно будет считать сон Ясина сбывшимся.

Время нелинейно.

И я буду блуждать по ночному мраку вечно, пока кто-нибудь не догадается развязать мешок со слежавшимися специями (эстрагон, кориандр, базилик) и не выпустит меня на волю.

Хотелось, чтобы этим человеком оказался Алекс Гринблат.

Ха-ха.

Пальцы упираются во что-то металлическое. Это так неожиданно, что я вскрикиваю и лишь потом понимаю, что «металлическое» – начало лестничного поручня, вмонтированного в стену. Я и забыла о нем, вот идиотка! Вцепившись в поручень обеими руками, я делаю еще один шаг вперед и – наконец-то! – нащупываю перед собой вожделенную пустоту.

Первая ступенька найдена, теперь дело пойдет быстрее.

Оно и правда идет достаточно быстро, половина лестницы благополучно пройдена, крошечная тьма впереди сменилась молочным туманом, с каждой секундой он становится все более светлым. Теперь я двигаюсь не на ощупь – вполне осознанно, я вижу (вижу! вижу!) смутные очертания стен, и силуэт небольшого прожектора, и камни мостовой в самом низу.

Все. Можно перевести дух.

Слева от меня – узкая невысокая ниша в стене. Тупик. Им заканчивается улочка, по которой мы с Фрэнки пришли сюда. Метрах в пятидесяти от места, где я стою сейчас, – переулочек, его легко промахнуть, если не знаешь о его существовании. Еще пятьдесят метров по переулочку, затем поворот направо, и ты оказываешься на улице, гораздо более оживленной, чем эта. Мастерские художников (Эс-Суэйра славится своими мастерскими), лавки резчиков по дереву, несколько небольших гостиниц, отсюда и до отеля Доминика рукой подать.

Скорей бы до него добраться.

Еще вчера я сказала бы – «домой». Но со вчерашнего дня много чего изменилось. А сегодняшний добил меня окончательно. Особенно приключение на смотровой площадке, ну и натерпелась же я страху! Не исключено, что уже завтра воспоминание о нем вызовет улыбку, а Фрэнки...

На Фрэнки я несколько не сержусь.

Хорошо, что дело ограничилось сдержанным, если не сказать – натянутым – поцелуем. Три года не заниматься любовью, чтобы в результате получить такое вот недоразумение – нет уж, увольте!.. Мстительные мысли о мужской несостоятельности Фрэнки придают мне силы, я отдышалась, пришла в себя, лишь немного кружится голова и шумит в висках.

Но это скоро пройдет. Пройдет.

Я останавливаюсь возле углового дома, его фасад выходит сразу на две стороны, но дверь – только в переулочек, я проходила мимо нее бесчисленное количество раз, и всякий раз она была закрыта. Даже днем. Теперь на мостовой лежит квадрат света, дверь распахнута едва ли не настежь – *étonnante!*¹⁰ Обогнув ее, я почти налетаю на пожилого араба, стоящего в проеме.

Его темное, изъеденное временем лицо кажется мне неуловимо знакомым. Ясин. Ну да, Ясин. Примерно так будет выглядеть Ясин лет через тридцать. Продольные морщины на лбу, поперечные – у переносицы: их контуры (едва заметные у рыбака) стали четкими, ясными. Мне в голову вдруг приходит шальная мысль, выуженная из недр детства, где до сих пор гуляют котенок со щенком, где полным-полно леденящих душу сказок, легенд и баллад: что, если я проблуждала в темноте тридцать лет, и Ясин уже успел бросить рыбный промысел, и купил этот дом, и теперь поджидает меня. И что именно он развязал мешок со специями, в которых я плавала: запах эстрагона, кориандра, базилика невыносим.

Что, если?..

Эстрагон, кориандр, базилик – они как черные пастушьи псы, стерегущие отары; они следят за тем, чтобы ни одна овца не отбилась. Мои скудные арабские овечки при мне, для того чтобы завязать разговор, достаточно и их.

– Добрый вечер, – говорю я на арабском.

– Доброй ночи, мадам, – отвечает мне состарившийся Ясин. С теми же интонациями, что и Ясин молодой.

– Отличный вечер. Очень теплый.

¹⁰ Удивительно! (фр.)

Араб прикладывает ладонь к груди. За его спиной – прямоугольник комнаты, он освещен плоской с открытым огнем. Свет неяркий, но он позволяет рассмотреть внутренности: два резных шкафа, длинная скамья и станок, занимающий едва ли не половину пространства. На таких обычно вытаскивают деревянную мебель, столики, шкатулки и сувенирных верблюдов.

– Вы не подскажете, который час?

Спросить о дне недели, месяце и годе я не решаюсь.

– Полночь, мадам. Уже полночь.

Он не посмотрел на часы (и часов-то у него нет!), ответ был заготовлен заранее, он не мог быть другим – *étonnante!*

– Спасибо.

Мне давно пора убраться, а я все еще стою у порога.

– Этот дом... Он казался мне нежилым.

– Вы живете в Эс-Суэйре, мадам?

– Уже несколько лет.

– Я купил его. Не так давно.

– А я снимаю номер в отеле. «Су лесьель де Пари». Может быть, слышали?

– Нет, – араб отрицательно качает головой.

– Здесь недалеко.

– Так мы соседи?

– Да. Наверное.

– Заходите ко мне на чай. По-соседски. Я буду рад.

– С удовольствием... Меня зовут Саша́.

– Са-ша́? Саша́?

Он повторяет мое имя на разные лады, старательно артикулируя. Назвать себя – это похоже на поднятую в приветствии руку, я вправе ожидать ответного жеста. Который либо подтвердит мою безумную догадку, либо не оставит на ней камня на камне.

– А я – дядюшка Иса.

Иса – не Ясин! Не Ясин – Иса! Напряжение, сковывавшее меня, моментально спадает. И чего только не придумаешь, проблуждав в потемках. Реален только запах специй, все остальное – лишь плод моей фантазии.

– Дядюшка...

– Все меня так называют. С незапамятных времен.

– Вы резчик, дядюшка Иса? – Я указываю подбородком на станок в глубине комнаты. – Это ведь станок для обработки дерева, да?

– Верно, мадам. Только я не резчик. Я торгую пряностями на рынке, а станок остался от старого хозяина. Жалко было выбрасывать, вот он и стоит. С вами что-нибудь случилось, Саша́?

Вопрос совершенно неожидан, наша спонтанная неспешная беседа никак его не предполагала.

– Нет, все в порядке.

– Вы как будто чем-то взволнованны.

– Небольшая размолвка с другом, – без зазрения совести вру я старому человеку. – Ничего серьезного.

– Тот молодой красавец, с которым вы пришли сюда?

«Beau garçon», – сказал дядюшка по-французски, «*beau garçon*» и есть красавец – выходит, он видел, как мы с Фрэнки подходили к лестнице. Странно, что я не обратила внимания на открытую дверь дома и старика, подпирающего ее косяк. С другой стороны, я была слишком увлечена (не столько Фрэнки, сколько гипотетической возможностью своего падения) – кто в такой ситуации станет обращать внимание на слившегося с пейзажем араба?

– Да, – подтверждаю я слова дядюшки. Ничего другого мне не остается. – А вы находите его красавцем?

Дядюшка Иса трясет указательным пальцем и лукаво улыбается:

– Видный парень.

– Пожалуй.

– Молодые люди часто тратят время на ссоры, вместо того чтобы тратить его на любовь.

А жизнь так быстротечна, Саша...

Чего мне не хватало в двенадцать часов ночи – так это дежурной банальности от неизвестного старика.

– Я сама ненавижу всяческие ссоры.

– Вы очень рассудительная девушка. Может, зайдете ко мне на чай?

Ничего пугающего и ничего необычного в этом приглашении нет. Если не учитывать время. *Полночь*, сказал мне дядюшка Иса; полночь – не самое подходящее время для гостей. Обо всем остальном можно не беспокоиться – марокканцы гостеприимны и ненавязчивы, а уж тем более такой милый старик, как дядюшка Иса (с тех пор как я узнала, что он – не Ясин, иррациональная симпатия к нему растет как снежный ком).

Подвоха не будет.

– Боюсь, что уже поздно...

– Понимаю, – подтверждает дядюшка. – Хотите подождать своего друга.

– Не хочу.

– Он не должен был оставлять вас одну вечером. Это неправильно.

Кто бы спорил, дядюшка Иса, кто бы спорил!

– Ничего страшного. Я могу прогуляться домой и в одиночестве. В Эс-Суэйре я как дома.

А в следующий раз я обязательно загляну к вам... по-соседски.

– Дядюшка Иса будет несказанно рад. Берегите себя, Саша. И никогда не ссорьтесь с друзьями. От этого бывают одни несчастья.

* * *

...Он купил дом совсем недавно.

Возможно, просто перебрался поближе к сыну-рыбаку (внешнее сходство Ясина и дядюшки Исы почему-то не дает мне покоя). Нет-нет, Ясин и Иса не родственники. Если бы Ясин был сыном дядюшки, то так же, как и он, торговал бы пряностями, такая преемственность – основа местного менталитета. Даже Доминик, рожденный французом в Марокко, получил свой колченогий маленький бизнес по наследству. Сын рыбака будет ловить рыбу, сын продавца пряностей – торговать пряностями, сын погонщика верблюдов даже не взглянет в сторону мула, мечты о смене деятельности так и остаются мечтами. Нужно обязательно зайти к старику, поболтать о жизни, я слишком долго просидела в скорлупе отеля «*Sous Le Ciel de Paris*» – большой мир,

который спасает Алекс Гринблат,
ждет меня.

Алекс. Опять Алекс. Я неотступно думаю о нем, как будто и не было вечера с вероломным Фрэнки. С другой стороны – Алекс вероломен не меньше, но об этом как-то забываешь. Особенно вдали от него. Алекс – свет и ясный день, Фрэнки – тьма и холод железного поручня.

...Доминик так и не появился, у стойки меня встречает Фатима: дневная сцена повторяется с той лишь разницей, что мать Джамия и Джамалия не раскладывает пасьянс.

Ах да, это не пасьянс – гадание.

Надо бы извиниться перед Фатимой за дешевый мелодраматический скандал, думаю я. Но вместо этого плююсь на стойку с ключами.

Ключи от номера семь (Фрэнки) и от номера двадцать пять (Алекс) отсутствуют.

– Доброй ночи, – примирительным тоном говорю я.

Фатима едва кивает опущенной головой, она все еще дуется.

– Днем я вела себя как стерва, прости. Это все Доминик. Он очень огорчил меня, вот я и сорвалась.

– Я видела его. Он такой несчастный...

Она наконец-то смягчается и поднимает голову. Доля мгновения – и на ее лице появляется испуг, а затем жалость.

– О-о, что это с тобой? Все лицо в крови!

– В крови? – я удивлена не меньше Фатимы.

– Вот, посмотри!

Порывшись в бумагах на столе, она протягивает мне маленькое зеркальце. Пластмассовая оправа истрепалась, на ней отчетливо видны следы детских зубов: шалости Джамиля. Или Джамалия. Я безуспешно пытаюсь втиснуть лицо в магический круг: видны только губы и часть носа. Под ним-то и застыла кровь, так-так, это все спиртное, у меня и раньше иногда шла носом кровь, досадное неудобство, не более.

Все лицо в крови.

Фатима (по-арабски, по-женски) преувеличила, она вообще склонна к преувеличениям, с теми порциями сладостей, которые она накладывает Джамилю и Джамалию, не всякий взрослый мужчина справится.

– У тебя есть салфетка? – спрашиваю я у Фатимы, не отрываясь от зеркальца.

– Возьми.

Несколько легких движений – и от крови не остается следа.

– Теперь в порядке?

– Теперь да.

– Парень из седьмого номера уже вернулся? – Я стараюсь сохранить известную долю беспечности. – Такой высокий брюнет...

– А я думала, тебя интересует совсем другой, – Фатима, подавляя смешок, подмигивает мне. – Тот, который купил у меня карты.

– С чего ты взяла?!

– Мне так показалось...

Стерва арабская! Сказочки об угнетенных женщинах Востока в контексте Фатимы выглядят смехотворными и лишенными всяческого основания. Фатима свободно болтает на французском и (как по большому секрету сообщил мне Наби) изучает английский, страна ее мечты – Голландия, где женщины свободно баллотировались на государственные должности. После дежурства Фатимы я выгребаю со стола пачки прайс-листов с самыми последними моделями ноутбуков и телефонов. На адрес отеля приходят бандероли с журналами мод и каталогами оргтехники – все они адресованы Фатиме. Отсутствие денег на все это великолепие не смущает Фатиму: к политической карьере в Голландии нужно готовиться заранее и встретить ее во всеоружии. Единственная слабость Фатимы, кроме, разумеется, близнецов, – пасьянсы (о нет! – гадания), но и с ней она оказалась в состоянии расстаться. Все знают, что Фатима вертит своим кротким меланхоличным мужем, как хочет. И выжимает из него соки, и вьет из него веревки, как какая-нибудь домохозяйка в американской глубинке. Или операционная сестра из российского областного центра средней руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.